ОЛЬГА КИПРЕНСКАЯ

ЛИХОЛЕТЬЕ

Ольга Кипренская

Лихолетье

«Автор»
2026

Кипренская О.

Лихолетье / О. Кипренская — «Автор», 2026

Меня зовут Ясна. Это не моё настоящее имя.Настоящее я забыла. Как забыла всё, что было до того, как меня нашли изгои. До того, как сама стала изгоем. До того, как стала поленицей — той, кто держит меч лучше, чем прялку. Той, кто ходит на охоту с двумя братьями-волколаками. Той, кто не помнит своего прошлого, но очень хочет снова вспомнить.Мир вокруг меняется. Зимы становятся всё морознее. Твари выходят из лесов к деревням. Война идёт за землю, за власть, за право называться хозяином. Князья грызутся за трон. Места силы, о которых все забыли, просыпаются.Лихолетье... как есть лихолетье.А потом я спасла в лесу раненого воина. Он назвался сотником Ставром. Я поверила. Я влюбилась — хотя боялась признаться в этом даже самóй себе. Он княжий сотник. Привык жить в городах. Отдавать приказы дружине. А я — изгой. Живу в лесу. Хожу на охоту с волколаками. Между нами — пропасть. Но может... может, я могу просто быть рядом?

© Кипренская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 21
Глава 5 27
Глава 6. Морошь 7 лет назад 32
Глава 7 35
Глава 8. Морошь 7 лет назад 39
Глава 9 43
Глава 10. Морошь 7 лет назад 49
Глава 11 53
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Ольга Кипренская
Лихолетье

Глава 1

Серое зимнее небо было тяжёлым и холодным, как могильный камень. Метель утихла, но стужа опять пробирает до костей, щиплет голые ноги и замораживает непросохшие слёзы на ресницах в колкие льдинки. Вокруг толпа — огромная, ни пробиться, ни убежать. Челядь, дружинники, просто посадский люд. Не каждый день судят убийцу княжьего сына.

— Махонькая-то какая! — доносится до меня жалостливый бабий шёпот, переходящий во всхлип, и я стараюсь встать как можно прямее. — Дитё ж ещё, неужто смогла б…

— Домой иди, нечего смотреть! — обрывает причитания грубый мужской голос. — Сам князь дознание провёл, не нам судить теперь. Да и мать её… эх, не реви, домой иди, ничем тут не поможешь.

Холодно, как же холодно. Так холодно, что почти не чувствуется уже. Ничего не чувствую — ни рук, ни ног, ни мороза.

— Князь, пощади! — отец выскочил на помост, как был, в одной рубахе, непонятно как вывернувшись из-под охраны. — Пощади, князь, не погуби, нет на ней вины, не бери грех на душу. А спроси лучше свою…

Подбежавшая дружина живо его скрутила и уволокла в сторону. Я закусила губу. Нельзя плакать, нельзя. Ничего уже не изменишь и не воротишь. Зря отец так. И меня не спасёт, и себя погубит.

Князь даже не поднял головы. Как сидел в резном кресле, так и продолжал сидеть, глядя перед собой. Дыхание покрыло инеем небольшую бороду, и только по этому было понятно, что он ещё жив. Зато княгиня молчать не стала. Поднялась и заговорила, показывая на меня.

— Помолчи, воевода! Сам не знал, кого на груди пригрел! Что мать, что дочь! Извели они княжича зельями злыми, она, ведьмина дочь, сама своими рученьками и подала! Мало того, и моего сына, княжьего пасынка, волшбой чёрной травила, на смерть заговаривала!

Ничего я не подавала! Мне хотелось заплакать, закричать, но горло сдавило стальными тисками, и только слёзы брызнули из глаз, растапливая налипший лёд и тут же замерзая вновь. Я ничего не делала! Я никого не убивала!

Толпа начала роптать, шум голосов становился всё громче, голоса сливались, накладывались один на другой, но мне было уже всё равно. Будь что будет, скорей бы уже. И спать, ещё очень хочется спать. Просто лечь в ближайший сугроб и заснуть.

— Раз вы так просите за проклятое племя, то так и быть, пощадим, ради просьбы вашей, — голос княгини противно отдавался в висках и вызывал приступ дурноты. Быстрее бы уже. Заснуть, заснуть, заснуть. И не проснуться, — пусть будет изгоем! Пусть живёт, но даже духа её здесь не будет.

Голоса стихли, и мне показалось, что я слышу далёкий волчий вой. Изгоем — это значит уйти в лес. Насовсем уйти. Тебя не будут преследовать, и ты можешь жить, не имея права вернуться назад.

Милость.

Только маленькие девочки, оставленные в зимнем лесу, не выживают.

***

Меня вышвырнуло из сна, и я рывком села на кровати, всматриваясь в темноту и судорожно пытаясь продышаться. Подо мной не сугроб, а жёсткая кровать с соломенным тюфяком

и маленькой подушкой. Да и не волки подвывают, а Лют в соседней комнате похрапывает. Но тоже близко, если вдуматься.

Пурга закончилась, и полная луна светила в окошко так ярко, что и лучины не надо — всё видно, даже ниточки на неоконченном кружеве. Меня бил озноб, и одновременно я была мокрой, как после натопленной бани. Не простыть бы и в самом деле.

— Снова кошмары? — шёпотом поинтересовалась с соседней кровати Медвяна. Вот ведь чуткая какая, даже сквозь сон всё слышит.

— Да, — я поднялась с постели, и холодный пол мигом выстудил босые ступни, помогая прийти в себя и окончательно разделить две реальности: сна и яви. — Пойду водички попью.

— Там в крынке у печи я отвар успокаивающий оставила, выпей ковшик, и полегчает, — предложила из темноты подруга. — И скажи матушке, может, отчитку сделает, все дурные мысли выгонит, зачем мучиться?

— И так пройдёт, — отмахнулась я. — Просто кошмар привиделся.

— Как знаешь, — покорно согласилась она. Даже подозрительно покорно. Лекарка у нас мягкая да уступчивая, но только до того момента, когда дело не касается хворого. Там она будет спорить со всеми: больным, родственниками, временем и самой смертью. До победного будет спорить, упорства в лекарском деле ей не занимать.

Потому-то и не взяла её матушка в преемницы — она принимает только жизнь. И никогда не поймёт необходимость смерти. А вот Еленья — совсем иное дело. Эта и с того света вытащит, и добьёт — не поморщится.

Я тихонько, чтобы не разбудить остальных, прокралась в горницу, ощупью нашла крынку с отваром и щедро плеснула в ковш. Может, Медвяна и права, и надо поговорить с матушкой, но…

Это не просто дурной сон.

Это воспоминания, которые только во сне и приходят.

И я не хочу их терять, но и удержать не получается. Пока не получается.

Я немного посидела за столом, а потом пошла одеваться — всё равно уже не усну, а дел в деревне всегда полным-полно. Мокрая от пота рубаха выстудилась и противно липла к телу, по ногам гулял сквозняк. Если ещё так посижу — точно простыну.

На цыпочках шмыгнула в комнату, взяла вещи и стала торопливо одеваться, стараясь не разбудить Медвяну. Та уже спала или делала вид, что спит, только нос из-под одеяла торчит. Мельком бросила взгляд на соседнюю кровать — там ночевала Елень, но сейчас она пустовала. Странно, неужели уже встала? И до меня, видать, раз мимо не проходила. Слишком рано даже для ведуньи, ночь почти ещё. Или случилось что? Интересно, а матушка спит? Но проверять не пойду, разбужу ещё.

Если не спит, и так узнаю.

Дом был большим, разделённым на две половины: присутственную, с горницей и печью, и спальные светёлки, у нас женская на троих, а дальше мужская, условно на двоих с “гостевым местом”. Частенько мужская половина и вовсе пустовала: то на охоте, то на работе, то на войне. Через раз матушка и меня туда грозила выселить, припоминая выбранный путь, но так за всё время ни разу и не отправила. Да я особо и не рвалась, мне и здесь неплохо было.

Я вернулась в горницу, затеплила лучину и стала расчёсывать волосы. Это Люту и Луню хорошо, у них короткие, до плеч всего, а я пока косу заплету, пока лентой перетяну, столько времени пройдёт!

Я закусила губу, вычёсывая особо плотный колтун. Опять по кровати металась да сбила всё в гнездо воронье… мелочь, а неприятно, напоминание, что опять снилось, да забылось.

Сколько ни пытаюсь в памяти удержать, всё равно ничего не помню, что было до того, как меня нашли. Точнее, почти ничего…

В горницу шмыгнул Руян: мальчишка-подросток, рыжий, худой да жилистый, с карими прищуренными глазами — ни дать ни взять лисёнок, и характер такой же вертлявый да хитрый.

Мальчишка-то мальчишка, а в последнее время почти с меня вымахал… Быстро дети растут, всё-таки. Особенно приёмные.

— А ты чего не спишь? — удивилась я, затягивая ленту в косе. Уж что-что, а в любви к ранним подъёмам Руян замечен не был, если только что натворить надо под покровом ночи — вот тогда да. Пару раз его за околицей ловили, собирался куда-то бежать за какими-то приключениями. Один раз к дядьке Ратибору в кузницу залез, меч хотел взять, да к проходящей дружине примкнуть. Дядька тогда с пучком крапивы за ним по всей деревне гонялся, а матушка такими словами ругалась, что аж Лют покраснел.

— Да не спится, — беспечно отмахнулся парнишка. — Там к матушке ребёнка больного привезли, Еленья ей помогает, говорят, еле дышит, как добрались только… А меня сюда послали за… за…

— Отварами? Травами? Тряпицами чистыми? — аккуратно уточнила я, почуяв заминку, и потянулась за полушубком. Руян задумался, былинно глядя в потолок.

Если уж ни матушка, ни Ёлка не оставили приезжих, значит, что-то серьёзное, сложное, может, помощь какая нужна. А может, и наоборот, отослали за пустячным делом, чтобы под ногами не мешался. На Яна полагаться — так себе затея, заранее на провал обречённая.

— Коричневый горшочек, там ещё узор чёрный, сказали, как крестики косые, — припомнил задание он и с сомнением оглядел ряд горшочков на полках. Я кивнула и, не глядя, нащупала нужный. От лихоманки сбор. Да не от простой лихоманки, а от насланной. Может, кикимора мучает, а может, и похуже что.

Что-то часто достаём его в последнее время.

— На, держи. Скажи матушке Ягде, что я тоже сейчас подойду, обуюсь только, — парень кивнул и скрылся за дверью, лишь воздухом морозным пахнуло.

Я чуть задержалась, натягивая сапоги, и вышла вслед за ним. Звёзды ещё горели, но уже блёкло и низко, к утру дело. Деревня спала, только в кузне дядьки Ратибора подсвечивал задорный оранжевый огонёк. Я прислушалась — всё как пуховым платком укутало, звуки тихие-тихие, как сквозь перину. Не иначе, снова снег будет.

Странная зима, половина без снега почти да с холодом лютым, а вторая снежная да вьюжная. Но тоже с холодом, здесь она себе не изменила.

Я немного постояла на крыльце, вдыхая колючий воздух. В ладонь мне ткнулся холодный собачий нос, и я провела рукой по мохнатой голове.

— Что, маленький, кушать хочешь? — пёс преданно посмотрел мне в глаза. Маленький был совсем не маленьким — с телёнка размером. Но я привыкла, с несмышлёныша вынянчила, едва глазки открылись. А слово «кушать» было как волшба, любая живность, от кур да уток до коз, тут же собиралась вокруг и всем видом показывала, что голодает. Страсть как голодает. А уж собаки…

— Потом покормлю, как время придёт, — пообещала я, и пес понимающе вздохнул: выпросить внеурочный кусок не получилось, но попытаться стоило.

До присутственной избы ещё было топать и топать. Она стояла немножечко особняком, сразу за воротами с частоколом, чтобы чужаки через всё село не ехали. Да и нам удобнее — меньше глаз чужих.

Людей приходило не то чтобы много, но достаточно, и все по крайней нужде. Некоторые не приходили, а их привозили, и не всегда живыми увозили. Если уж дошло до Ягды — то всё, костлявая, считай, за спиной стоит, и там уже как жребий ляжет.

Вторая нужда — хозяйственная. Амулеты да ножи заговорённые, мёд да свечи особые, рушники да пояса обережные. Таких больше в округе никто не делает, нет ни сил, ни умений,

ни знаний. Но всё равно негоже им по деревне ходить да лишнего смотреть, всё, что нужно, в избу и принесут.

И больной там же отлежится, если совсем плохо, для того и лавки широкие поставлены. Изба хоть и тёмная, из лиственницы рубленая, по углам зимой даже днём такая хмарь стоит, что хоть коптилку зажигай, но зато тёплая и дышится в ней легко.

Люди к нам редко ездят, а мы к ним ещё реже. Изгои мы, изверги — у многих наших что-то да есть неправильное. Так и живём здесь. Отдельно. Всё равно для своих родов мы мёртвые. И для своих богов тоже.

Я счистила у порога избы налипший на сапоги снег и зашла в сени, аккуратно приоткрыв двери, в ярко освещённую и жарко натопленную горницу.

Внутри на лавке сидела сгорбленная женщина, закутанная в тёмное покрывало по самые брови, и в углу, на самом краешке, мужчина, косматый, без шапки, глаза безумные. На руках женщина держала какой-то свёрток. И только сделав ещё шаг, я сообразила, что это ребёнок — маленький ребёнок, какой-то мертвенно-бледный, с неестественно запавшими глазами и щеками. Он едва дышал, редко, поверхностно, сипло. Женщина не плакала, только легонько всхлипывала. Рядом стояла матушка с трескучей тонкой свечкой в руке.

Плохо дело.

Ягда кивком головы показала мне на угол, обожди, дескать. И я послушно замерла у дверей. Сунувшийся было следом Руян осмотрел горницу и высунулся обратно, благоразумно решив, что и без него справятся.

Из соседней комнаты вышла Ёлка в простом холщовом платье и тёмной, рабочей завеске, верхнем платье без рукавов, вышитом по подолу красной нитью. Поперёк лба — тесёмка красная с чёрным тканым узором, коса чёрная на спину змеёй спускается. Она поставила ещё две коптилки на стол, едва взглянув в мою сторону.

Точно, плохо дело!

— Ну? — матушка строго глянула на женщину. — Давно так?

— Да уж неделю, — всхлипнула та.

— Что ж ты седьмицу-то томила? — спокойно уточнила Ягда, и в горячей комнате повеяло холодом.

— Так думали, выходим. А мело-то, мело-то как, матушка! А ему хуже да хуже, хуже да хуже. А потом лекарка наша и говорит, что если матушка Ягда не возьмётся, то никто уж не поможет. Помоги, Ягдушка, один остался кровиночка, всех лихоманка извела, — простонала она и стекла на пол, попытавшись встать на колени, да ноги не держали. Мужик, не говоря ни слова, встал с лавки и бухнулся на колени. Вышло у него это убедительнее, чем у жены, и от этого было ещё страшнее — не человек, истукан.

Матушка покачала головой. Столько уж слёз видела, поневоле зачерствеешь, как камень.

— Еленья, печь готовь, проверь, чтобы не совсем горячая была, — она спокойно принялась раздавать указания. — Ясна, коль без дела стоишь, принеси воды из ручья, ведро в сенях.

Могла бы и не говорить, я сама же эти вёдра и ставила. И даже помогала лавочку мастерить, на которой они обретаются, давно, правда, это было, я тогда была не старше Яшки.

До ручья прилично идти, за частокол надо, но тропка хоженная.

Был в деревне и колодец, но если лечить или заговаривать что-то, нужна вода чистая, проточная, сильная. Вот и ходим к ручью, даже в кузню отсюда вода идёт, дядька никакой другой не признаёт, говорит, сила уже не та.

Я зачерпнула полное ведро и не удержалась, набрала воды в ладонь — пальцы мгновенно заледенели, и поднесла ко рту — холодная, колкая, искристая, вкусная.

Стараясь не расплескать, понесла ведро к дому. Руян пропал окончательно, и это мне не нравилось. Хотя, может, всё-таки в кузню пошёл, греться и дядьку Ратибора доставать: вон уже потихонечку что-то там да позвякивает.

Воду занесла прямо в горницу и поставила у лавки. Матушка Ягда, не глядя, набрала ковш, подняла над ребёнком и быстро-быстро зашептала:

Да цепями калёными прибирается…».«Водица ключевая с горы бежала, Камни точила, корни поила, Из-под земли выходила, Тело омыла, лицо омыла, ноги омыла, руки омыла, До лица дошла, до глаз дошла, до бровей дошла, до лба дошла, Встань, явись-покажись, что вымыла, Встань, явись-покажись, что смыла; Какая боль-худоба, какая хвороба, Что нашла, то и выйдет, что скрыла, то и явится; Слово моё - замок, на три стороны запёртый, на четвертую замыкается,

Дальше шёпот стал совсем уже неразборчивым.

— Вот, смотри, — она сунула ковш под нос женщине, — видишь, вода чёрная, как дёготь. Вовремя ты пришла, подождала б до утра — не вычитали бы… Елень, отведи в комнату, разденьте, разотрите, а я сейчас подойду.

Мать, не проронив ни слова, покорно пошла следом за такой же молчавшей Ёлкой, а отец продолжал сидеть на лавке, безучастно глядя в стену перед собой.

Я невольно залюбовалась: вот ведь умеет младшая ведунья себя подать — ни слова не скажет, а как посмотрит — княгиня, прямо княгиня!

— Ещё помочь чем, матушка? — спросила я для порядка. Теперь ясно, почему подняли Еленью, а не Медвяну. Лекарка до последнего тащить будет и месяц себя корить, что не вытащила. А Ёлка — это Ёлка. Ей с нежильцами дело иметь проще. Не верила матушка, что ребёнок выживет. И сейчас не верит, но сделает всё и даже больше.

— Да чем тут поможешь, — махнула рукой старуха, — сами управимся. Думала, хуже будет.

— А что там?

— Лихоманка болотная, — матушка нахмурила лоб и сцепила в замок руки. — Сильная да быстротечная.

— Опять? — удивилась я. — Да и откуда? Зима же, кикиморы спят, кому её разносить?

— Не знаю, — Ягда легонько хлопнула ладонью по столу, показывая, что разговор окончен. — Но сама видишь, неладное творится! Никогда не было такого, да ещё зима эта… Ступай к кузнецу, серп калёный принеси, выводить будем. Яшку только за смертью посылать, получит он у меня!

Я слегка поклонилась и выскочила из избы. После, так после, спорить с матушкой себе дороже, да от дела отвлекать тоже неправильно.

Но… так не бывает! Подхватить болотную лихоманку зимой — это всё равно, что перегреться в мороз! Права матушка, дурная зима в этом году. Неправильная.

И голодная.

Глава 2

Кузня дядьки Ратибора стоит прямо посередине деревни, до любого дома идти одинаково. Ну, почти одинаково. Вокруг и нет ничего; если кузня загорится, на дома не перекинется. Заговор от пожара - заговором от пожара, а поосторожничать никогда не помешает. Потому как нет такого заговора, чтобы насовсем уберечься, можно только вероятность уменьшить. Сильно уменьшить, но не совсем убрать.

Летом наши собираются у колодца, он тут тоже недалеко, там как раз и лавочки сколоченные есть, а иногда у нашей избы на завалинке. А зимой, переделав дела хозяйственные, у кузни трутся — и тепло, и светло. Зима — самое кузнечное время: инструмент хозяйственный починить, железо купцы из Торжка как раз привозят, значит, новое можно сделать и себе, и на продажу. Летом некогда будет.

Дядька Ратибор много всего на продажу делает, может что-то и красивое сковать, если просят, но в основном топоры, мечи, да ножи. Броню делает редко по особым заказам, кольчуги чаще всего. По одному подгонит, другой носить не сможет. Зато кольчуга дивная, лёгкая, как рубашка, но прочная. Лют хвалится, что хоть без поддоспешника носи, такая удобная.

А как иначе? Не простая она, наговорённая, да не сверху, как любая бабка-шептунья может, а волшебство вплетено в саму суть с самого начала — от времени, когда ковалось, что в пламя бросалось, в какую воду опускалось, с каким наговором и каким намерением. Поэтому серпы не тупятся, и рожь, ими срезанная, не портится; поэтому подковы не стираются и кони не хромают; поэтому в кольчуге из любого боя без царапинки выйдешь.

Не месяцами учатся люди, годами! Любому делу.

Вот, к примеру, гончар. Вроде и просто всё, но как бы не так! Какая глина да для чего? Да что же в этом горшке будет, или крынке будет: молоко ли? Тогда не скиснет, долго свежим простоит, а если вода или квас, то усталость снимут, жажду утолят. А может, каша — всегда рассыпчатая выйдет, всегда вкусная, даже у самой неумелой хозяйки. Каждая вещь — своё время, свои слова, свои знания.

А вот жена дядьки Ратибора, Светана, пояски обережные ткёт, рушники вышивает. Говорят, на любовь и лад в семье, самый спрос на них.

А там вот, с другой стороны, у самого леса, семья бортников живёт: мёд лесной собирают, воск и всё, что ещё пчёлы дают. Медвяна потом из этого воска с травами особые свечи катает, а из мёда настои делает. Так даже хлеб испечь можно, с наговорами и на здоровье. И пекут. У нас Медвяна в основном, Ёлка под настроение, ибо если её перед замесом разозлить, так потом этим хлебом и отравиться можно. Бывали уже случаи.

Меня к печи подпускают редко, когда уже совсем больше не кому, не тот у меня путь. Мне-то хозяйкой в избе точно уже никогда не быть.

Есть спрос на наше ремесло, и не только лекарское. Сами мы почти никуда не ездим, редко из деревне выбираемся. Купчишки заезжие в основном заходят да товар забирают, сёла и города окрестные. Иногда к дядьке и от князей поручения приходят, только берётся редко и за работу просит много. Все знают: хочешь с настоящей ремесленной волшебной работой — это сюда, к изгоям лесным в деревеньку Морошь.

Самое интересное, что простейшим наговорам любого обучить, есть талант или нету, но работать будет. Другое дело, если дар и предрасположенность, кратно сильнее всё будет. Это как петь учить, смогут все, а вот чтобы заслушаться - талант нужен. Ну или лекарское дело - ранку все перевяжут, а перелом вправить - нет. Только вот в деревнях людских не любят такое, не учат. Так, по мелочи только, лекарок да знахарок, повитух да травниц. Потому что без своей знахарки в деревне совсем плохо, а остальному… и не то чтоб запрещено, а не одобряется. А уж человеку с сильным даром и вовсе одна дорога - к нам в лес.

В кузне нашёлся не только кузнец, но и наша рыжая пропажа, старательно работавшая мехами. Ну хоть где-то пригодился.

С годами кузнец, казалось, становился всё крепче, основательней. Невысокий, но крепкий, широкоплечий, кряжестый, как дуб столетний. Ладонь, как три моих, огромная, пальцы, как сучья еловые, но такую тонкую работу делает, что диву даёшься. Борода густая, косматая, в кольца вьётся, чёрная, местами окалиной прожжённая. Волосы тоже шапкой, густые и вьющиеся, как руно овечье, и глаза — проницательные, голубые, насквозь тебя видят.

— Вот так, — приговаривал дядька Ратибор, одобрительно глядя на работающего парня, — а теперь давай, шибче, шибче! Добела должно раскалиться, добела! Нет, это красное, а не белое, ещё сильнее! Вот так-то, старайся, старайся!

Я остановилась, наблюдая за редким и красивым зрелищем — Яном за работой.

— Вот так, учись, — продолжал подбадривать пыхтящего паренька Ратибор. — Может, кузнецом станешь — хорошая работа, почётная.

— А ты меня лучше научи украшения делать. Филигрань или ещё что-то красивое.

— А зачем тебе?

— Да так, может, получится.

— Ну, — почесал пятерней бороду кузнец, — приходи послезавтра, попробуем тебя в этом деле. Сможешь — хорошо, не сможешь — ну, всё равно металла много не переведёшь.

Ян кивнул и заработал мехами с утроенной силой.

— Здрав будь, дядька Ратибор, — я помахала рукой, привлекая к себе внимание.

— Привет, Ясенка, привет. Зачем пришла?

— Матушка за серпом послала, лихоманку заговаривать.

— Щас будет тебе серпик, — тепло улыбнулся кузнец и похромал в сторону стены, где на вбитых гвоздях висел “продажный товар”, как он сам называл. — На, держи. Будешь у своих, попроси Медвяну или Еленью мази какой для ноги, совсем достала, проклятущая, — попросил Ратибор, протягивая серп.

— Да хорошо, обязательно скажу, — пообещала я. Если уж дядька на ногу пожаловался, значит, совсем дело плохо — ступить не может. Хромота у него давняя, то ли рана была, то ли перелом плохо сросся. Он не говорил, да мы и не допытывались. Пришлю Медвяну, пусть разбирается, это по её части — хворь заговаривать, мази делать, отвары варить. Эх, выходить из кузни совсем не хотелось, тепло тут, хорошо.

Ян старательно делал вид, что меня здесь нет, и он занят исключительно мехами. Ну, пускай, может, хоть тут будет польза. К чему приспособлен больше всего мальчишка, мы пока так и не поняли. Вот когда Лют и Лунь появились, сразу было ясно — воины. Про Медвянку и Ёлку даже говорить не приходилось, они с рождения предопределены — одна к ведунству, пограничному, сумеречному, привратническому, другая к лекарству да целительству.

Я тоже быстро определилась, хоть и случайно всё вышло, а вот Ян — непонятно пока. Что-то следующее поколение найдёнышей у нас такое, и не сказать, чтоб совсем бесталанное, а в чём именно талант, сразу и не разберёшь.

Впрочем, матушка говорит, что такое бывает, и переживать пока совершенно не о чем.

— Принесла? — на пороге избы меня встретила Ёлка, полоснув неласковым взглядом чёрных глаз. — Давай сюда. Заждались уже тут, каждая минута на счету, а она ходит, бродит, ворон считает, – и скрылась за дверью, чуть не ударив меня по лицу косой с тяжёлым бисерным накосником.

— Да ты посмотри, какая господаряня! Если так надо, сама бы шла, — проворчала я в закрытую дверь. Впрочем, чего ждать от Ёлки? Не прокляла, и на том спасибо. Добрая она у нас, только обругала, а могла и серпиком пырнуть!

Ещё раз мысленно фыркнула на ведунью и повернула домой. Сейчас Медвяна встанет, помогу ей с завтраком. Потом с братьями оружие посмотрим, почистим и завтра на охоту.

Если, конечно, погода не испортится. Я ещё раз посмотрела на тёмное небо, которое пока и не думало светлеть. За частоколом завыли волки, протяжно-протяжно и далеко-далеко. Не подходят они обычно к жилью. Но…

Им ответили наши псы. Тоже воем, почти неотличимым от волчьего. Почуяли родичей.

Здешних собак никогда не держали на цепи, и часто они убегали в лес, возвращаясь уже щенёнными и рожая больших, крепких, сильных детёнышей. А иногда с ними приходили их отцы — огромные волки с шерстью дымчато-пепельной, с переходом в белое. Волки не подходили близко к жилью, держались в стороне, но горе было тому, кто обидел их потомство. А псы росли, и домашняя кровь снова мешалась с дикой.

От своих отцов они унаследовали быстроту, звериное чутьё, кинжальные зубы и умение выживать, а от матерей — бесконечную преданность человеку и понятливость. Больше нигде не было таких волков, больше нигде не было таких собак.

Когда я вернулась, Медвяна уже встала и достала из печи томившуюся там всю ночь кашу и галынь - томлёную брюкву, тёмную да сладкую, необыкновенно вкусную, если её молоком запивать. Вон и кринка козьего стоит, но мне может ни глоточка и не достаться. Посередине стола лежал маленький круглый хлебец, рачительно накрытый рушником. Я вздохнула: не густо, и то, думаю, хлеб пополам с травами. Мало, хлеба мало, не выменять, не купить, а уж про посеять молчу — где мы сеять-то будем в лесу?

В очаге весело потрескивали дрова, а сама Медвянка, выспавшаяся, бодрая и свежая, будто не вставала ко мне ночью, деловито хлопотала у печи, накинув на голову урбус — длинное покрывало, перехваченное лентой по лбу, и закрыв две толстенные косы, чтобы волосы в работе не мешали.

— О, явилась, не запылилась! — она на мгновение отвлеклась. — Опять посреди ночи кто-то приехал?

Я кивнула и опустилась на лавку, сбрасывая полушубок. Смотреть за суетящейся девушкой было неожиданно приятно, и накатывало ощущение покоя и теплоты.Так бы век и сидела.

— По дрова надо сходить, — отвлечённо начала она.

— Сходим, — согласилась я.

— Собак покормить, коз покормить, гусям насыпать, коня обиходить, — принялась деловито перечислять подруга. В плане дел хозяйственных с Медвяной лучше во всём соглашаться и не спорить. Она всё равно лучше знает, где что надо сделать. Сейчас с парнями и сходим на утреннюю работу, она пока детей поднимет, умоет, покормит, а потом уже и нам кусок достанется.

— Завтра на лося пойдём. И кузнец тебя зайти просил, совсем у него нога разболелась, — пояснила я и сглотнула слюну. Сладкий запах галыни растекался по всей горнице. Медвяна вздохнула и, как мать протягивает кусок кружащемуся у печки ребёнку, пододвинула ко мне горшок, на, дескать, перехвати немного, пока другие не видят.

— На лося – дело хорошее, и кузнецу после завтрака забегу, — согласилась лекарка. — Там ещё бортник с сыновьями рыбу ловить собрались на Дальнем Озере, там и зимник у них поставлен, на неделю точно задержатся. Я Руяна с ними отправлю. Если поймают что, к столу пойдёт, лишним не будет.

— О, встали уже! — в дверях показалась всклокоченная, заспанная голова Луня. Несмотря на молодой, можно даже сказать, юный возраст, всего-то немногим старше меня, он был наполовину седым. Хотя седым он был, когда мы уже познакомились, с отрочества: чёрный волос равномерно перемешивался с сединой, из-за чего создавалось ощущение пегости, а то и сероватой волчьей шерсти. Его брат-близнец Лют чуть помощнее, повыше, в плечах пошире, и седина у него полосками: одна полоска в бороде, одна полоска в чёрных волосах.

Ну и по характеру несколько разнятся. Лунь более спокойный, рассудительный, а вот Лют вспыхивает, как сухая береста, от малейшей искры, даром что лицом одинаковые, как две капли воды.

— А что у нас есть покушать? — сразу сориентировался мужчина и протянул руку к горшку.

— Сначала дело, а потом покормлю! — Медвяна от души приложила поварешкой по протянутой лапе. — Ты тоже вставай давай с лавки, третьего своего поднимайте и вперёд! Пока скотину не обиходите, дров мне не наколите, воды не натаскаете — к столу даже не подходите! Ясна, к тебе это тоже относится!

— Вредная ты, Медвяна, — проворчал Лунь и шмыгнул на жилую половину, будить брата, пусть тоже радуется жизни и обозначенной работе.

— Поговори мне ещё! — цыкнула лекарка, попытавшись напоследок огреть нахала полотенцем для придания рвения к трудам праведным. Не вышло, Лунь оказался проворней. Ну да и где ей тягаться в скорости с волколаком?

Я благоразумно подхватила полушубок и тоже скрылась за входной дверью. Вот теперь точно — утро началось!

Глава 3

— Это ж где можно было так схватить и выхватить? — выговаривала Еленья, смачивая тряпку в колодезной воде и промывая Люту рваную рану на ноге. Перевязанный чистыми тряпицами Лунь покорно сидел на лавке, ожидая, пока запарятся лечебные травы. Матушка хлопотала у печи, сметая веником золу с угольками, и очень громко на нас молчала. Чувствую, как девчонки угомонятся, она нам всё ещё выскажет. И не по разу. А то и полотенцем вдоль хребта отходит, как мелюзгу шкодливую. И не посмотрит, что парни её на две головы выше, да в плечах раза в два шире. Матушка, она такая у нас, суровая. Да и нельзя ей иначе…

— Это шатун! — пожаловалась я. — Огромный медведь-шатун.

И подставила Медвяне своё порванное плечо. Рана неглубокая, чуть выше локтя начинается, но широкая, болючая. Ну ничего, лекарка затянет, зашепчет, даже шрама не останется.

— Это ж надо было найти одного-единственного медведя-шатуна во всей округе!

— Да ладно тебе, это он нас нашёл, — хмыкнул Лунь. — Идём мы себе по лесу, никого не трогаем, и вдруг на нас медведь…

Ёлка с грохотом поставила плошку на стол и уперла руки в бока.

— Вылез, — как ни в чём не бывало продолжил парень. — Я его, значит, с одного боку, Лют с другого, а Ясна как возьмёт лук… а я как возьму топор… А Лют как стукнет его палицей. Кстати, шкура почти целая, хочешь, шубку тебе сошьём?

— Мне-то уж не заливай, знаю я вашу троицу! Я скорее поверю, что это вы к нему в берлогу полезли!

— Да ничего, отвара попьём, — попыталась я успокоить разбушевавшуюся ведунью. — Ты зашепчешь, и всё заживёт, как на собаке. Зато медведь в деревню не придёт, и шкура вон, Лунь прав, почти целая. Мяса наварим, жира натопим!

Ёлка отвесила мне лёгкий подзатыльник.

— Но это ж не значит, что надо лезть куда ни попадя! Вас что просили принести? Лося! А вы что принесли? Как сами ещё дошли целыми да почти невредимыми!

— Деды, можно хоть раз прийти вылечиться без поучений? — простонала я, уворачиваясь от очередного подзатыльника. Ещё и плечо невыносимо саднило, а Медвяна даже не подумала добавить обезболивающий наговор, дескать, чтоб чувствовала тяжесть своего положения.

Лют в разговор не вмешивался, сидел, стиснув зубы, только желваки играли. Ему больше всех досталось. Недаром Еленья так разошлась, обычно она спокойная, как вода в проруби. Переживает. А раз переживает, значит, есть тому причина. Вон она сидит, эта причина, с ранами почти до кости.

— Нельзя! — отрезала Ёлка. — Иначе вы в какой-то момент вообще без ноги придёте, а то и без головы!

— Да ладно, пришли же!

— Невелика заслуга! Теперь вылечить вас надо! Или вы думали, что каждый раз будете полуживые являться, а я с вами ночей не спать?

Мы с братьями переглянулись и решили оставить при себе мысль, что да, так и думали. Ну а как ещё? Да и не виноваты мы, что на нас шатун вылез, будь он неладен! Год выдался скверным, лето промозглым да дождливым, а зима холодной да вьюжной. Хлеба купить не получилось, матушка всё, что есть, на праздники бережёт, ну и детям…

— Ничего, главное сами целы да почти невредимы. А остальное, перетерпим, не впервой, — грустно сказала добрая Медвяна. Лунь пристыженно поник головой. Девушка неосознанно ткнула в самое больное, не себе ведь за лосем шли. — Медвежатина тоже неплохо, если приготовить правильно, всё хорошо будет, переживём.

— Не переживём, — парировала Ёлка, — ты того медведя видела? Больной да истощённый, только и корысти, что шкура. А мясо ещё посмотреть надо, вдруг зараза какая? Не просто ж так он вылез!

— В охотничьей избушке полтуши лосиной лежит, с прошлой охоты осталось. Морозы крепкие, мы в лабаз всё затащили, целёхонькое, значит, осталось, — с трудом проговорил Лют, — надо пойти и привезти. Хватит хоть сколько переждать, а там поправимся и снова на охоту выйдем.

— А кто пойдёт? — матушка сурово сжала губы. — Ты совсем неходячий, ещё недели две самое малое, Лунь наполовину. А больше свободных, сильных мужиков у нас нет. Да и не знают другие про вашу избу! Случайно только набредут.

— Ну, давайте я схожу! — я неловко повернулась, и острая боль раскалённым штырем воткнулась прямо в локоть. — Ранена не сильно, рука только, дойти да привезти на салазках смогу. День хода туда, день обратно, если совсем припозднюсь, то дня три.

— Нет, — отрезала матушка, — Ты одна не утащишь с рукой, а все оставшиеся у нас без ног! Ратибор, и тот совсем слёг. А бортники с Руяном когда ещё вернутся! Вот воротятся и посмотрим, может тоже что-нибудь принесут. А пока и думать забудь!

— А что тут думать? — возразила я. — Тропа хоженая, знакомая. Сколько раз мы тут уже бегали? Я ещё и младше была, когда одна ходила. А вот без еды сидеть – глупая затея. Ребята маленькие, долго ли мы на одних кореньях и медвежатине протянем, или опять кору еловую заваривать? Да и медвежатина под вопросом, права Елень насчёт болезни, жаль я сразу не сообразила. Руяна ждать… а ну как ничего не принесут? И время упустим, и от голода болеть будем. Дел-то на два дня туда обратно с ночёвкой, собаку возьму, не страшно будет.

Матушка пожевала губами, глядя в окно, за которым стояла белая стена.

— Так-то оно так, и тропа хожена, и всё, но видишь, что делается: метель вьёт да пурга метёт. И шатуны… когда в последний раз шатунов тут видели? Ой, не знаю, Ясна. Ой, не знаю.

— Да я тоже смогу, я почти… — попытался подняться со скамьи Лют и тут же со стоном рухнул обратно.

— Сиди уже, горе ты моё! — оборвала его Елень и ласково погладила по плечу. — Куда ты собрался? До порога разве что дойдёшь, но попомни мои слова: я тебя в избу тащить не буду, так на крыльце и оставлю!

— Завтра, а может, через день пурга утихнет, я и пойду. Пса с собой возьму и схожу, охотиться не буду, не тот сейчас из меня охотник, а вот остатки мяса принести смогу, — твёрдо сказала я.

— Ты только это, смотри: если метель в избушке застанет, посиди, пережди. Не беги обратно, — проворчала матушка. — Чай, немножко пояса потуже подтянем, да переждём. Давно такой скверной зимы не было, куда хуже прочих... Ну что, Медвяна, быстренько на стол снедь ставь. Лют, Лунь, отдыхать ложитесь, Еленья, дай им настоя сонного. Ясна, тебе тоже настой сонный. Даже не возражай! Отоспаться надо, силы восстановить, буран ещё точно день не утихнет, а пока отдыхать!

Я покорно выпила из рук Еленьи поднесённую чарку. И правда, видать, беда бедовая, если матушка не остановила меня и согласилась, чтобы я одна пошла в охотничью избушку. Значит, всё хуже, чем я думала.

Я покатала во рту горькое варево, прикидывая: если выйти с рассветом, то к вечеру до заимки не добежишь, а значит, лучше по тёмному выходить, чтобы как раз до вечерних сумерек дойти. И то, это если напрямую, по звериным тропам идти, не так, как другие ходят - по руслу вертлявой речушки. По руслу оно и шагать, конечно, легче и не собьёшься, но втрое дольше.

Ноги-то у меня здоровые, рука, конечно, порвана, но и Еленья, и Медвяна — лекарки умелые, залечат. Не в первый раз.

Возьму собаку и пойду, а пока спать, спать, спать. Веки постепенно тяжелели, мысли путались, становились сумбурными, густыми и липкими, как ноябрьский туман.

Ничего, справимся. И не с таким справлялись. А там Лют и Лунь поправятся – вместе на охоту сходим. Будет у нас мясо. А если будет мясо, то до середины зимы точно дотянем, а дотянем до середины зимы, там уже и до весны недалеко. Весна, конечно, самое голодное время, но… Солнышко, птички, уже и не так тошно.

Не люблю я зиму.

Я с трудом поднялась и, пошатываясь, побрела в сторону своей кровати. Кто-то поддерживал меня под локоть, скорее всего, Медвяна, но оборачиваться и смотреть я уже не стала, перед глазами растекалась тёмная непроглядная пелена. Сколько они мне налили-то? Вровень с парнями, чтобы точно раньше срока не проснулась? Очнусь — спрошу непременно…

И я упала в привычные кошмары. Только сегодня мне не кошмарилось, видать хватило ужасов наяву. Хоть и не помню, что снилось, а чувствую, и сегодня была тоска. Не грусть, а именно тоска, надрывная, непроглядная.

***

— Ну, выходи по одному, биться будем, али трое на одного, ежели один бошься, — сообщил парнишка вкопанным в землю кольям, на которых дружина удары топором оттачивала. Видать, никого из боярских сынов пока нет, вот княжич, точнее княжий пасынок, сын второй князевой жены, сам и занимается. Обычно с ним всегда два или три боярских сына постарше, плюс дядька: парень высокий, рослый, крепкий, выше одногодок. Вот ему и подбирают ближников тоже покрепче да постарше. Хороший воин будет. Когда-нибудь потом.

Я фыркнула и бочком, бочком по кустам стала протискиваться мимо утоптанной площадки, на которой ратники бою учатся. Можно было и подворье обойти, но это дольше, да и нет тут никого так рано. Обычно нет, но сейчас вот пришёл, мечом деревянным машет. Авось не заметит, если по кустам с краешку пройти.

— Эй, ты, пострелёнок, не хочешь с князем сразиться?

Это он мне, что ли? Я недоумённо обернулась.

— Да, да, тебе!

Он что, меня с парнем спутал? Ну да, штаны-то, конечно, братовы, его же и рубаха старая, да и волосы я под шапку спрятала. Неудобно по лесу в платье, матушка, конечно, будет ругаться, но не шибко. А то и не заметит, если пораньше домой приду. Папка с братьями в детинце, будет затемно.

Делать нечего, я вылезла из кустов и направилась в центр площадки, на ходу прикидывая, как можно будет половчее удрать. Княжич важно кивнул и кинул мне деревянный меч из лежащей у его ног кучи. Ну точно, ждёт кого-то, вот и размяться решил с дворней.

— Вставай в позицию. Покажу, как воины дерутся.

Ну, в позицию, так в позицию. Я подняла деревянный меч и встала, скопировав позу княжича: ноги на ширине плеч, левая чуть назад, на неё вес тела, в правой руке — меч, левая согнута в локте и прижата к телу — в ней щит держать полагается, но щита у меня нет. Вышло неубедительно. Мальчишка залихватски улыбнулся и кинулся на меня, высоко подняв меч.

Понятно.

Я отклонилась и сделала полшага в сторону, пропуская его мимо себя. Только меч у уха чиркнул. Парень, поняв, что пролетел мимо, затормозил, удивлённо хмыкнул, поднял меч и снова кинулся на меня. Я снова отступила, пригнувшись в последний момент.

Может, я ему надоем, и он отстанет?

Зачем мне это надо — драться? Да я и не умела. Не наше это дело – драться, не лекарское, но... увернуться от слишком буйного болящего, а то и успокоить его, чтобы руками не размахивал да лечить не мешал, этому меня учили.

Княжич в очередной раз пролетел мимо и вместо того, чтобы, как я надеялась, отстать, разозлился.

— Ах, ты! А ну, дерись давай! Ты что, трус? — заревел он.

Вообще-то да, трус. И ещё какой! Но ты ж не угомонишься, если даже я это признаю! Прилип как овод к корове.

Я пожала плечами и скопировала стойку. Снова вышло неубедительно, но да леший с ним, отмашусь как-нибудь. И признаю поражение, после первого же удара!

Ему игрушки, а у меня — дело!

Княжич подумал и обошёл меня полукругом, примериваясь, с какой стороны меня удобнее стукнуть. Я исподлобья следила за его движениями, чувствовалось, стукнуть он хотел основательно, очень уж я его разозлила да раззадорила.

Наконец он размахнулся, но снова не рассчитал, слишком сильно подавшись в мою сторону. Я подставила меч и присела, уворачиваясь от удара, а он кубарем покатился вперёд, споткнувшись о некстати подвернувшийся камень.

О-о-ой, что сейчас будет!

Не дожидаясь, пока княжич поднимется, рванула вперёд к дальнему концу поля, выходящему в овраг. Добегу туда, а там и до леса рукой подать. Затеряюсь, залезу на какое-нибудь дерево или в балке залягу, там меня сам леший не найдёт.

Парень взревел и кинулся за мной, на ходу отсвечивая быстро набухающей шишкой. Я бросила в него мешающийся меч и нырнула в кусты. Добежала, почти добежала!

Княжич не отставал. Точно, хорошим воином станет. Только мне сейчас это совсем не в радость.

Я стрелой пролетела дальше и, зацепившись носком сапога о корень, скатилась в овраг, на ходу потеряв шапку. Княжич кинулся за мной и, поскользнувшись на траве, прилёг рядом. Я подскочила, но он быстро схватил меня за запястье и резко дёрнул вниз, заставляя присесть.

— А ну, стоять! Ай… ты это… что, девка, что ли? — потрясённо прошептал он, заметив мою размётанную косу.

— Ну девка, и что с того? — я выдернула руку из ослабевших от удивления пальцев.

— А почему раньше не сказала?

— А ты и не спрашивал.

Он смущённо кашлянул и даже немного отодвинулся. Я хотела было бежать, а потом передумала. Набегались уже…

— А где драться так научилась? — княжич присел, стащил сапог, подкатал измазанную травяным соком штанину и принялся задумчиво изучать разбитую кровоточащую коленку. Бой игрушечный, а ранения настоящие. Ну почти.

— Да не училась я драться, — вздохнула я. — Я училась от особо буйных отбиваться.

— Это от кого ж?

— А от тех, кто за лечением пришёл, но лечиться да терпеть не хочет. Мамка у меня лекарка.

— А, так ты ж воеводина дочка! — наконец-то признал меня княжич. — Ну точно, у него жена лекарка, двое сынов и дочка!

Я кивнула и пошарила взглядом по крутым склонам. Так, где-то она точно быть должна! Мне немного надо!

— Погоди, я сейчас, — за ближайшим кустом задорно розовели головки нужной мне травы.

— Что это? — подозрительно уточнил княжич, глядя, как я разминаю их в своих ладонях.

— Это кровохлёбка, — я приложила размятую в руках травяную подушку к разбитой коленке. — Всё просто: заговор читаешь, прикладываешь — кровь останавливается. И зажи-

вает быстрее. Не отвлекай! — и быстро зашептала под нос: — Мать сыра земля, возьми назад свою воду, руду, чтобы ни крови, ни течи, ни ломоты, ни щипоты, ни синей опухоли, как земля цела, так и… — я на мгновение запнулась, вспоминая имя княжича. — …цел! Вот, подержи немного, и всё пройдёт.

— Значит, точно, лекарка, — удовлетворённо хмыкнул он.

— Точно, точно, — улыбнулась я, прикидывая, зашептать ли шишку или так пройдёт? С одной стороны, зашептать хотелось, с другой — дотронуться до княжича было не то чтобы боязно, а как-то странно-неправильно, будто что-то постыдное делаю. Хотя чего постыдного — больного залечить?

— Лекарка, а ты далеко шла? — парень пригладил волосы, закрыв шишку и тем самым решив вопрос с лечением. Раз не видно — стало быть, здоров.

— По делам, травы матушка набрать велела.

— Слушай, — он убрал наговоренный пучок и полюбовался на коленку, — а и правда прошло. И, кажется, даже затягиваться начало. Быстро!

— Ну так оно и должно быть. На стариках дольше, а на детях и молодых — быстро.

— Воеводишна, — княжич принялся натягивать штанину на ногу. — А научи меня тоже лекарскому мастерству.

— А зачем тебе? — удивилась я. — Ты же воин.

— Вот этому и научи, а не всему. Ну там, раны да порезы заговорить, ушибы, ссадины. Или простуду с лихоманкой, всегда в походе пригодится.

Я задумалась. Ну, а почему и нет? Он прав, такое ему всегда пригодится, только вот бы родителям не попасться на глаза! Меня за такое точно по головке не погладят. Как и его.

— Хорошо. Только ты... — я ткнула в него пальцем. — Научи меня взамен воинскому делу.

— А тебе зачем? — удивился княжич. — Ты ж лекарка и ещё девчонка.

— Затем, чтобы таких, как ты, буйных да несогласных лечиться успокаивать.

— А, ну хорошо, коли так, — улыбнулся парень и поднялся на ноги, а потом протянул мне руку. — Давай, давай, не бойся, не съем. Сама-то цела хоть?

— Цела, — я протянула ладонь, неправильно заставлять княжича ждать. Он поднял меня легко, как пёрышко.

— Договорились тогда! — не дожидаясь моего ответа, решил он. — Завтра приходи сюда в это же время. Вон берёза приметная, я около неё тебя и буду ждать. Ты только непременно приходи, хорошо? И… это, если будут обижать, мне скажи!

Я поколебалась, а потом, удивляясь своей смелости, выпалила:

— Приду! Только сейчас мне идти надо, матушка заругает.

— Мне тоже идти надо, — вздохнул он. — Ну, прощай! И приходи, непременно приходи, ждать буду!

Я кивнула и, не оборачиваясь, зашагала к лесу.

Не приду, наверное… глупости всё это. Да и неправильно…

На следующий день, когда я подошла к берёзе, княжич уже был там и с нетерпением ходил вокруг дерева, сбивая мечом высокую траву; второй деревянный меч болтался на поясе. Судя по огромному протоптанному кругу, хороводит он тут давненько.

— Пришла, — обрадовался он.

Я кивнула. Не хотела идти, отговорок нашла целую кучу, а потом подумала, что негоже просто так заставлять ждать. Надо встретиться, да в лицо сказать: "незачем нам встречаться тайком!", и развернуться да уйти. Гордо и красиво. Вот так будет хорошо и правильно.

— Вот это тебе. Вроде по руке подобрал, — он с сомнением оглядел принесённый меч и полез в поясную сумку-лакомку. — А вот пряник! Сырцовый, печатный, сегодня делали!

— А пряник зачем? — глупо уточнила, принимая и то, и другое.

— Пряник не зачем, пряник есть, — хихикнул парень, — вкусный же! Ешь, я завтра ещё принесу.

Я покорно откусила кусочек от ароматной плитки с нечётким пропечатанным рисунком: и правда вкусно! Сладенько, пряно. Не то, чтобы я пряников никогда не ела, а всё равно от наших на отличку. И не сказать, в чём отличие, а всё равно - особый.

Княжич стоял чуть в сторонке и довольно улыбался, так, будто это ему пряник принесли.

— Будешь?— я протянула ему кусочек.

— Нет, не хочу, — мотнул он головой, — ты лучше доедай и травам учи! Страсть как интересно!

Я быстро закинула в рот остатки лакомства и достала мешочки, тайком утащенные у мамы. Если по чуть-чуть отсыпать, она и не заметит. Я надеюсь.

— Вот смотри, чтобы заговорить простую кровоточащую рану, без яда и гноя, нам нужен вот мешочек. Тут сбор, но можно и по отдельности, сейчас покажу, где растёт и как брать правильно. Первое и самое верное – кровохлёбка, она почти везде есть…

Он слушал очень внимательно, послушно шепча вслед за мной слова лекарского наговора. И я не заметила, как повела его в лес, искать сбор. Время сейчас правильное, травы в самой силе. В четыре руки быстро наберём, всему посаду до следующего сбора хватит.

А про то, что нам лучше не видеться, я ему завтра скажу. При встрече.

Но я так ничего на другой день и не сказала. И на следующий не сказала…

Своё ремесло показывала, воинскому делу потихоньку училась. Многому княжич меня, конечно, не учил, так, по мелочи: как от удара увернуться, как блокировать, как руку с мечом перехватить, как стоять правильно и угадать, как и куда бить собираются. Да на этом всё. Больше я ему рассказывала о ранах, о том, как болезнь смотреть, отличать, какого она роду-племени, а ещё определить по человеку, что болен, а храбрится. Часто бывает, болеет, сильно болеет, а держится молодцом. Если вовремя не понять, то до беды недолго, можно и не успеть вылечить. Ну и наоборот надо знать, есть и такие, которые по любой занозе вой поднимают, будто руку отрубили.

А больше гуляли и разговаривали. Порой даже не разговаривали, так, ходили просто. Я собирала травы, а он был рядом, держа мешочек наготове. А потом...

— Вот, держи, — как-то при встрече он смущённо, глядя в сторону, сунул мне в руку маленькое медное колечко.

— Зачем это? — удивилась я, и дыхание перехватило. Красивое колечко, камушек небольшой, розовый, кругленький. Загляденье просто. Только не дарят колечки просто так, бусы да ленты дарят, а кольца — нет…

— Да так, — ещё больше смутился княжич. — Носить будешь, обо мне вспоминать. Камушек розовый приметный, на тебя чем-то похож, такой же пригожий и ясный.

— А ты куда-то уезжаешь? — спросила я, и сердце нехорошо кольнуло. Ну да, о чём это я? Я хоть и воеводина дочка, и земля эта моя по праву, ну пусть не моя, а батюшкина и братова, князь над нами только для порядку стоит, но он же княжич! Да и повела себя совсем неправильно, как только папка не узнал… Узнает – как есть прибьёт! А если и не прибьёт, в тереме запрёт, буду сидеть как благопристойная девица, узоры эти опостылевшие вышивать, и никаких занятий с братьями, трав, прогулок вольных.

— Княжеское дело, оно такое, ратное, — парень вздохнул. — С князем-батюшкой поедем, говорят, на окраине озоровать начали, приструнить бы. Воевода со старшим сыном тоже с нами поедут, они эти земли лучше знают. Завтра с утра и выдвигаемся.

— Я буду ждать, да поясок обережный передам, матушка ткать учила, — пообещала я, надевая колечко на безымянный палец правой руки, чётко понимая — глупость делаю, глупость, о которой пожалею, сильно пожалею. Но потом. — Только возвращайся скорее, ладно?

*— Обещаю, — твёрдо сказал он и неожиданно меня обнял… ****

Очнулась я ближе к полудню. За окном стояла белая снежная хмарь. Плечо блаженно не напоминало о себе, из горницы доносились голоса детей и звонкий голосок Медвяны, нараспев тянущий игровую считалочку. За стеной была тишина. Интересно, братья уже встали, или их тоже отваром так придавило, что спят, как медведи в берлоге?

Сон ускользнул, едва я глаза открыла. Они всегда так: сколько ни старалась запомнить, ничего не выходило. Матушка считала, что это оттого, что я ничего не помню из прошлого, а сны оттуда идут, вот по пробуждении и забываю. Только пока сонная одурь не прошла, чувствуешь сковывающий страх или тоску. А сейчас горечь такая, будто обидел кто-то очень близкий…

Я мельком глянула на колечко на левом мизинце. И с чего я про него вспомнила?

Красивое, с круглым розовым камушком. Конечно, воину кольца ни к чему, но я носила, там, где оно не шибко мешает. Не помню, откуда оно у меня. Когда меня нашли, у меня и было всего: куколка-мотанка и колечко. Значит, дорого оно мне, от близкого человека досталось. Вот и ношу. Может, и вспомню когда, откуда оно.

Я поудобнее устроилась на подушках. Завтра метель утихнет, и я схожу в лабаз. А пока спа-а-ать.

Глава 4

Но ни завтра, ни послезавтра отправиться в путь мне так и не удалось. Метель разбушевалась, и за окном стояла белая колючая стена. Плечо ныло, болело, дёргало, я даже боялась, что загноится, но обошлось. Лют и Лунь тоже шли на поправку, но медленно, гораздо медленнее, чем могли бы. Они ж не совсем люди, на них всё заживает, как на собаке. Точнее, как на волке.

А может, еды не хватало. Таким, как они, мясо было просто необходимо, особенно больным. Хоть и велела матушка им побольше класть, парни половину оставляли. Вроде и понимают, что чем быстрее они встанут, тем легче нам всем будет, но…

Наверное, это даже хорошо, что детей у нас пока немного осталось: если бы больше — точно не прокормили по такой зиме. В доме пока обреталось трое.

Руяна мы нашли года четыре назад, лет двенадцать ему тогда было. Лунь с охоты притащил беспамятного, еле выходили. Что с ним случилось — не говорит, утверждает, что сам шёл, шёл да заблудился. Только не бывает у заблудившихся таких рубцов на спине, как от плетей, и потёртостей на запястьях, как от верёвки. Но не хочет говорить — его дело. От изгоев выдачи нет, и прошлая жизнь значения не имеет.

Потом долго никого не было, а этим летом сразу трое: совсем крошечная девочка Серка. Годика два всего, не больше, в оборванной рубашонке с куколкой в руках. Не знаю, как она очутилась в лесу и за какую провинность. Может, из-за того, что слабенькая уродилась да отставала немножечко: в два годика едва-едва ходила и совсем не говорила, только в лица всем заглядывала грустными голубыми глазёнками — не заругают ли её, не бросят, не выгонят? Очень шума боялась, первые дни так и просидела в уголке, куколку прижимая. Как отошла немного, её кузнец и забрал — Светана давно о девочке мечтала. Да и матушка уверяла: выправится девчушка, точно выправится, время только нужно. У кузнеца Серка прижилась и заметно повеселела и покруглела, даже лопотать потихоньку стала.

Потом Еленья нашла двух братьев погодков лет пяти-шести: Бажена и Некраса. Что с ними произошло, они не помнят точно. Говорят, дома голодно было, а папка с ними в лес по грибы пошёл, вот они и потерялись, искали папку, искали, да и не нашли, заснули под кустом, потом снова искали и звали, а потом тётя их нашла и в дом привела.

Медвянка прикипела к ним всей душой, мальчишки оказались понятливыми, смышлёными, ласковыми и очень голодными. Лекарка только слёзы утирала, лишний кусок хлеба им подсовывая. Медвянка – она у нас такая, она и Серку нянькала, а как малышку забрали, тосковала очень. Дети тоже привязались и ходили за ней хвостиками, только иногда просились к папке и мамке. Матушка только глаза прятала: и не скажешь, да по всему видать — не просто так они потерялись, не от хорошей жизни их в лес завели. Может, и вправду заблудились, да только вот как проверишь?

Так и жили они у нас, Медвяне на радость.

Наконец, через два дня под вечер, метель стихла, и снег блестел на земле, как волшебное покрывало, сотканное из тысяч звёздочек, а сверху — бездонное чёрное небо, глубокое, тоже со звёздами, низкими, зимними, и месяц яркий, с огромным желтоватым ореолом — на хорошую, сухую да ясную погоду.

Мы с матушкой долго стояли на крыльце, глядя на этот месяц, зацепившийся за верхушки елей. Тишь да благодать, век бы стояла. И мороз не сильный, так, пощипывает слегка.

— Вот с утра, как только полуночные петухи пропоют, и пойду. Видишь, распогодилось, — решила я.

Матушка кивнула, плотнее кутаясь в покрывало.

— Так-то оно так, только… — она зябко передёрнула плечами. — Всё равно не хочу тебя одну отпускать.

— Да ладно, я же просто туда и обратно с собакой, ничего со мной не случится, — весело возразила я. — Плечо почти зажило, ноги целы. Если Люта и Луня ждать, то ты знаешь…

— Знаю, — отмахнулась она. — Можешь не повторять, а всё-таки неспокойно на душе. Неправильно всё как-то, да и… да ладно, иди отдыхай. Вставать рано.

Матушка развернулась и быстро ушла в дом. Ой, недоговаривает что-то ведунья, недоговаривает! Но и спрашивать бесполезно, точно знаю.

Я ещё немного постояла и пошла в избу. Матушка права: тут спать осталось всего ничего.

Рассвет застал меня уже в лесу. Широкие лыжи скользили по твёрдому насту, снег слежался, был плотным — ехать одно удовольствие. Сзади тащились привязанные к поясу верёвкой огромные салазки, вокруг меня дурниной туда-сюда носился пёс Таш, разгоняя застоявшуюся кровь. Лапы огромные, шерстяные, в снег глубоко не проваливается. Пусть бегает. В деревне гулять особо негде, да и выпусти такую в метель — потом не докличешься, вот чаще в сарае запертые и сидят всей стаей.

А сейчас псу раздолье: бегай, лесную зверюшку облаивай, в снегу купайся. Аж завидки берут.

«Так-то я и засветло до избушки доберусь», — думала я, смотря на поднимающееся из-за елей солнце.

— Таш, не отставай! — я махнула рукой и покатила с пригорочка. Вон там сейчас ещё молодой лесочек пройти, да на лосиную тропу выйти и прямиком до избушки. До ночи точно дойду. Охотники, они больше по притоку реки Белой идут, а потом по ручью — так оно проще, и не заблудишься. Но дольше, точно до ночи не успеть.

До избушки осталось уже совсем ничего, как внезапно пёс метнулся в сторону, исчез среди кустов, вспугнув стаю мелких птичек.

И залаял.

— Что это? Сюда, сюда, ко мне! — позвала я. Пёс не откликался, а лай перешёл в вой. Как на покойника.

Я свернула с тропы и тоже ломанулась сквозь низкий кустарник, на ходу развязывая узел верёвки с салазками да бросая её в кустах по пути — ничего, потом найду.

Что ж там такое? Человек? А может, наоборот, дичь раненая. Да нет, на дичь он по-другому.

Значит…

Человек. Точно человек.

Воин, крепкий, рослый, без бороды, что редкость. Одет добротно, но просто, в кольчуге, но без шлема, зато в шапке, и волосы из-под неё пробиваются. Он лежал на боку, согнувшись, а рядом валялась сломанная рогатина. Поляна вокруг него была залита кровью и затоптана, а вот кем… это следы человеческие, а это… Я присела и положила ладонь рядом с огромным отпечатком копыта. Вепрь? Странный вепрь, и копыто чересчур большое, нет в нашем лесу таких чудищ, и шаг странный…

Хотя сам, может, расскажет, если жив. Почему один? Почему его бросили? Тут ещё пять-шесть мужчин крутилось, судя по размеру шага, и следы их разбегаются в разные стороны, как у вспугнутых зайцев.

Я подошла к воину и присела на корточки, аккуратно дотронувшись до шеи.

Жив!

Сердце бьётся ровно, дышит. Если не замёрзнет — быстро выправится.

Собака крутилась следом, поднимая хвостом ледяную крошку.

Я попыталась приподнять мужчину. Тяжёлый, очень тяжёлый, боль раскалённым шилом отдалась в плече, вся рука тут же занемела, и я опустила его обратно на снег.

Крови было много, но вроде всё цело, значит, не его. По крайней мере, не вся его. Ран открытых нет, на ногах разве что немного, вон как штанины бурым напитало, переломы… а кто его знает, раздевать и смотреть надо. Здесь не разденешь, значит, надо тащить в избушку.

Как же тебя дотащить, а? Точно, салазки!

Я аккуратно опустила ему под щёку свои варежки и развернулась назад — искать сани. Весит он поменьше лося, да только как тушу его не сложишь, а значит, надо ещё что-то придумать, чтобы ноги не волочились. Лапник подстелить, пусть половина воина на салазках едет, половина на лапнике. Всё лучше, чем из сугробов его щегольские сапоги вылавливать.

Но топорик есть, елей полно, это я быстро сделаю. Если б не рука, было б ещё быстрее.

Кабан, если и был рядом, то, скорее всего, ушёл. Они чувствуют человека, чувствуют собак, лишний раз предпочитают не связываться. Но дикая свинюшка сейчас волновала меня меньше всего: до избы версты две, от силы три, но попробуй-дотащи ещё! Мороз крепчает, темнеть скоро будет. И так задержались.

Ну ладно, всё равно умирать не брошу. Особенно замерзать в лесу.

Я с трудом перевалила тяжёлое бессознательное тело на салазки, обвязала его верёвкой, чтоб не упал ненароком по дороге, и потащила к избушке.

Таш с чувством выполненного долга бежал следом.

Уж если и не выживет, то лучше пусть в избушке, пусть там, в тепле, а не здесь, на морозе! Нельзя на морозе…

И ещё… следы. Чем больше я их вспоминала, тем больше мне хотелось бежать отсюда как можно дальше. Не вепрь это. Не кабан, хоть и очень похож. Но размах шага, прыжок, цепочка следов… Полное ощущение, что эта неведомая тварь передвигалась на двух ногах.

На двух ногах с огромными копытами, больше человеческой ладони…

А если у нас в лесу завелось такое, то самое разумное — дать быстрее дёру и запереться в избе до наступления ночи. А ещё разумнее — бросить бессознательного и бежать. Я закусила губу: ещё посмотрим, кто кого.

Успеть бы до темноты.

Не успели.

Начало смеркаться, и опустились густые лесные сумерки. Хорошо, что снег вокруг, поэтому темень такая светлая: от месяца свет снег отражает, и только тени густые под деревьями лежат.

Избушечка выделялась на фоне леса ещё более тёмным силуэтом, и я обрадованно выдохнула. Не заплутала, уже хорошо.

Она стояла на брёвнах, точнее, на огромных пнях, приподнимаясь над землёй. Небольшая, нам троим едва хватало места, но добротная: с маленьким очагом и с небольшим окошком, забранным бычьим пузырём, и крепкими ставнями, запирающимися не только снаружи, но и изнутри. Она вообще крепкая, основательная, дверь низкая, чтобы тепло не выпускать, крыша крыта дранкой, внутри немного припасов, запас дров, трав лечебных и чистых тряпиц.

Чуть дальше холодный лабаз, тот вообще высоко, на приставной лестнице лезть надо, зато ни зверь, ни мышь не залезет. Хотя, мышь тот ещё зверь… в чём-то похуже волка.

Теперь самое сложное – втащить мужчину наверх! Да, всего три ступени, но рука почти полностью перестала слушаться, а тяжести в ней будто прибавилось!

И тут в лесу раздался вой, но не волчий, а не знаю, чей. Протяжный, но при этом хриплый, дребезжащий, незнакомый. А потом снова, но уже ближе. Таш зарычал.

Вой придал сил, и я рывком перевалила найденыша через порог, он упал на меня, придавил, но я быстро вывернулась и волоком оттащила его к дальней стене.

— Таш, ко мне, сюда! — позвала я. Пёс стоял у входа и угрожающе скалился в темноту, припав на передние лапы. — Быстрее, в дом.

Обычно собак в избу не брали, им и на улице под занавесом у дровницы неплохо было, но сейчас одного я его тут точно не оставлю!

Рыкнув напоследок, пёс в один прыжок залетел наверх. Я втянула в избу короткую лестницу и захлопнула двери, для верности заперев не только на крючок, но ещё и на засов.

Кто там знает, что за тварь воет. Целее будем. Явно целее.

Ощупью зажгла коптилочку, потом очаг. Попыталась переложить «находку» на лавку — бесполезно, мне не поднять, рука совсем отказала, все силы ушли на то, чтобы его сюда затащить.

Но… ничего с ним не будет, и так полежит. Не замёрзнет: пол высоко, холод от земли не достанет, а сейчас ещё и жар от очага вниз пойдёт.

— Таш, подвинься, мешаешь, — я толкнула пса в бок. Мда, все-таки тесновато нам тут! И этот ещё… раскинулся почти на половину избы, пройти не даёт.

Я достала из-за печки овечьи шкуры, которыми мы лавки перед сном застилали, и свалила рядом на пол. Пёс подумал и запрыгнул на лавку, посчитав, что если эти два идиота решили спать на полу, то и пусть себе. Он умный, он удобно ляжет.

С трудом подсунула под беспамятного шкуры и принялась стаскивать с него одежду, проклиная всё на свете. Хуже всего далась кольчуга, двойного плетения, дорогая, красивая, но тяжёлая, холодная и длинная.

Пока стащила - вымокла, как в бане, а рука так и вовсе повисла плетью.

Вот бросила бы в лесу и горя не знала, но… я вздохнула. Меня же не бросили. Вот и я не брошу.

— Помог бы лучше, — попрекнула я пса. Тот демонстративно зевнул.

Ну и ладно. Я принялась осматривать беспамятного, как Ягда когда-то учила.

Так, что мы тут имеем? Есть обморожение, но не сильное, само отойдёт и следов не останется: руки и ноги целы, голова тоже цела. Не совсем, правда, вон какая шишка, оттого, видать, и беспамятный. Живот цел, хоть на боку и синяк, ноги поранены, но не сильно, ничего важного не задето. Вроде. Все равно всего осматривать надо и внимательно.

Я аккуратно ощупывала всё, нашептывая слова заговора, как учила матушка, начиная с головы и шеи, как делала уже не раз, залечивая мелкие раны Люту, Луню и даже Руяну, который каким-то образом умудрялся залезть куда не надо и с этого “не надо” упасть.

Только… когда я проводила рукой по его обнажённой коже, по телу разливалось странное тепло и щекотало кончики пальцев. Мне было… приятно. Неловко и стыдно, но приятно. Дыхание сбивалось так, что я пару раз запнулась на заученном заговоре, а в груди стало тесно и душно.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Что со мной? Никогда такого не было! Всего лишь человек! Хворый, беспамятный, незнакомый. А у меня туман в голове какой-то образовывается и под ложечкой ёкает. Угорела я, что ли? Да нет, тяга есть и пёс спокоен.

Я медленно выдохнула сквозь сжатые зубы и положила ладонь ему на живот, проверяя, не вздут ли он от внутреннего кровотечения, и почувствовала, как по щекам разливается жар. Мне хотелось оставить руку там, где она была, просто так, без всякой причины. Но я быстро убрала её, будто обожглась.

Нельзя.

Надо было осмотреть, прощупать, убедиться, что всё цело. Я продавливала упругие мышцы медленнее, чем нужно, и сама не понимала, почему.

Ох, не кончится это добром! Точно говорю, не кончится.

Я сжала ладонями виски и закусила губу. В горле пересохло.

Я заставила себя встать, заняться делами: снега натопить, припасы найти. Нужно было делать что угодно, только подальше и чтобы голова проветрилась! Хоть с разбегу в сугроб

прыгай, для остужения. Впрочем в сугроб нырнуть почти пришлось, снега набрать, воды-то в доме нет. Так прямо с крыльца быстренько и зачерпнула, далеко ходить не стала.

Надо выпроводить его как можно быстрее! Не хватало мне ещё и дальше так голову терять. Неизвестно, чем закончится!

Хотя, ничем не закончится. Перегрелась я, наверное, переволновалась. Впервые чужого лечу, вот и чувства такие странные.

Не нравится он мне ни капельки. Не нравится.

И ещё… витязь показался смутно знакомым, но что разглядишь при свете коптилки? Я попыталась напрячь память, выудить хоть что-то, но чувство узнавания тут же пропало, испарилось, как роса на солнышке, и я выкинула его из головы. Мало ли что привидится.

Рёбра целы, живот в норме. Я тянулась осмотреть неглубокий порез на бедре, и рука вдруг замерла в воздухе. Он же голый ниже пояса. Я резко отвела глаза, уставившись в тень на стене. Глупость. Я лекарка, а он — раненый. Тело как тело, мужик, как мужик, ничего нового, не в первый раз же….

Но вот же ж…

Я накинула на него его же одежду, оставив только ногу. Пусть так лежит и не мешает осмотру! Я заставила себя дотронуться до раны на бедре и смотреть только на кровь и кожу вокруг пореза. Только на это, и всё. Не думать. Пальцы слушались плохо, стали деревянными и неловкими...

Но я справилась.

И под конец меня можно было выжимать и на веревку как простынь вешать.

С лекарствами да перевязками провозилась до поздней ночи, с трудом отгоняя неправильное желание — подойти, дотронуться ещё раз, уже не как знахарка, а просто так. Просто провести ладонью по горячей коже, чтобы снова почувствовать это пьянящее тепло, от которого кружится голова.

Мне нравилось это ощущение. И это пугало больше всего. Я тряхнула головой и закусила губу. Нашла время! Вернёшься домой и разбирайся в себе сколько влезет, а пока надо эту ночь пережить. И сделать так, чтобы воин очнулся. До деревни я его точно не дотащу. А уж если притащу его вместо лося… Никто не поймет, а Ёлка ещё и год подкалывать будет.

— Давай, потихоньку, надо немного выпить, — я приподняла его, по капле вливая в рот отвар из глиняной чарки. Слишком долго он в беспамятстве, может, с головой всё серьёзнее, чем я думаю? От этого и заварила, от беспамятства да ушибов, остальное точно цело, только две раны на бедре, да и то они пустяшные, царапины, даже ходить не помешают.

Мужчина застонал, приоткрыл глаза, посмотрел на меня мутным взором и слабо улыбнулся:

— Зарянка… ты здесь… я так и знал, что найду тебя… — и снова отключился.

Я вздохнула: невеста привиделась. А может, и жена молодая… Ну уж точно не сестре он так рад. Хотя, мне-то какое дело?

Правильно, никакого.

Я устроила его поудобнее, положив под голову свёрнутую шапку и рубаху и накрыв сверху его же кафтаном: натягивать всё на бессознательного было выше моих сил. Если очнётся, сам оденется. Потом расстелила ещё одну шкуру и свернулась на ней рядом калачиком — если станет хуже, я услышу, да и вставать скоро, печь подтапливать надо. Пёс лежал на лавке и, навострив уши, вслушивался в темноту.

Я закрыла глаза, тоже вслушиваясь в лесную тишину и ровное дыхание спящего. Лишь бы сейчас поспать без кошмаров.

Не сбылось.

***

Холодно, холодно, холодно, боги, как же холодно! Холод колючими противными лапками пробирался через полушубок, тёплые шерстяные чулки да сапоги на меху, заелозил за шиворотом, хватал, обнимал, щекотал. Казалось, проникал вглубь до самых косточек… холодно…

Я попыталась сжаться, занять как можно меньше места, согреться, подышать на озябшие руки… бесполезно…

Хотелось спать, безумно хотелось спать, я еле разлепила глаза, слёзы застыли на ресницах сосульками, казалось, всё лицо уже начал покрывать иней.

Холодно, холодно, холодно…

Говорят, смерть от холода лёгкая да быстрая, просто засыпаешь — и всё. Значит, надо не противиться и заснуть, просто заснуть.

Оставили, оставили… ушли, даже не обернулись. Не пожалели. Отца заперли, а больше я никому не нужна. Княжич вот обещал заступаться, но не пришёл. Тоже бросил, перед матерью-княгиней и слова не замолвил.

Я пощупала маленькую куколку-мотанку, которую спрятала на груди. Совсем крошечная, в мою ладошку, в чёрном переднике с красной вышивкой. Единственное, что мне осталось от мамы.

Всё забрали, даже амулетик с тамгой рода отняли — зачем он изгою? Только куколка осталась и колечко, я его под кукольный передник сунула. Постыдились игрушку забирать, а может, просто не заметили.

Голова стала тяжёлой, мысли окончательно спутались, и я забылась тяжёлым, предсмертным сном.

В полубреду или полусне было ощущение, что я попала в жарко натопленную баню, где раскалённые докрасна камни пыхали нестерпимым жаром. А ещё меня будто куда-то несли на ладье или на руках, и я покачивалась, покачивалась, покачивалась, погружаясь в сон всё больше.

Я перестала сопротивляться. Значит, так нужно и правильно. Может, я в чём-то виновата, только не знаю, в чём. А они знают…

Может, так даже и лучше...

А раз так и скоро конец, то можно спокойно уйти, забыть всё, что было. Забыть, забыть, забыть…Говорят, там хорошо, там не холодно, там не голодно, там спокойно, там ждут мама и старшие братья… Значит, мне нужно к ним…

***

А утро началось с метели.

Глава 5

Метель заволокла округу, как плотное льняное покрывало. Ничего не видно, даже на расстоянии вытянутой руки, солнце спряталось, и вокруг установилась такая белая хмарь, что даже звуки затихли. Я постояла на крыльце, вдыхая морозный воздух и вслушиваясь в живую лесную тишину. Заметно потеплело.

Я вздохнула — ничего не оставалось, кроме как возвращаться в избушку и пережидать там. По такой снежной завесе я назад точно не пойду!

Пёс посмотрел на меня умными карими глазами, зевнул и улёгся на лавку. У него всё просто: если непогода, значит, лежим и спим впрок. Если погода — значит, бегаем по снежку, идём на охоту с хозяином и занимаемся ещё множеством разных дел. Но в метель ни одну собаку на улицу не выгонишь, они же у нас не глупые, исключение, если только отогнать кого-то надо, но сейчас отгонять некого. По делам своим сбегал и снова в избу.

В окошко пробивался скудный свет, но открывать двери я не решилась, на полу по-прежнему спал воин. Крепко спал, спокойно. Полночи метался, кого-то догонял, звал и затих только под утро.

Я снова затопила очаг и высыпала в горшок принесённую с собой полбяную крупу. В лабаз пойду позже, может, вырублю топориком немного мяса. Верёвкой только обвязаться надо, на всякий случай, а то и потеряться недолго.

— Утро доброе, девица красная, не подскажешь, где я? — раздалось за спиной приятным низким голосом. Я обернулась: вчерашний недоубитый очнулся, теперь сидел на полу, с любопытством поглядывая вокруг. Спокойный такой, как так и надо, будто через раз голый на полу в лесной избушке просыпается. Рубаха вниз сползла, хорошо, что всё, что ниже пояса, прикрыто. Таш, предатель такой, слез с лавки и тыкался мокрым носом ему в плечо, требуя ласки. Мужчина почесал млеющего собакена за ухом.

Ну, псина серая, я тебе это припомню!

— И тебе хорошего дня, добрый молодец, — так же нараспев ответила я, отвлекаясь от очага. — У меня в избушке, нашла тебя тут вчера, замёрзшего да побитого. Может, расскажешь, поведаешь, что с тобой случилось? Как себя чувствуешь? Голова нормальная, ничего не болит?

— Может, расскажу, — согласился он. Одеваться не торопился, вставать тоже. И была в расслабленности какая-то звериная настороженность, как у кота — вроде дремлет, на тебя не смотрит, а оставь мясо на мгновение без присмотра — тут же куска недосчитаешься. Таш, признав мужчину заслуживающим доверия, снова полез на лавку. И это успокаивало. — Спасибо за заботу, хорошо всё. Ничего не болит. А остальные где?

— Какие остальные? — не поняла я.

— Ты одна тут? — нахмурился мужчина.

— Одна, — я дёрнула плечами. — Где твои сотоварищи, не знаю, разбежались, должно быть, а искать мне было недосуг, уж прости.

Я сунула чугунок в печь. Раньше, чем надо, прогореть бы дровам, но… а и так сойдёт. Тем более, есть уже хочется.

Краем уха слышала, как “находка” шуршит одеждой, но оборачиваться не спешила. Хватило мне и ночи, ещё покраснею или с мысли собьюсь, а сейчас это и вовсе ни к чему.

— Сотоварищи… разберусь, а ты… прости, не знаю, как звать, одна меня дотащила, выходит? Или придёт ещё кто?

Почему-то мне стало обидно. Вот ведь какая несправедливость: как без братьев, так как пустое место, непременно кто-то да спросит “чего одна ходишь”, “чего одна ездишь”… Эх… И этот сразу уточнять принялся, есть ли кто живой, кроме девки. Иносказательно, правда, но

принялся. Если не устраиваю, пусть с Ташем разговаривает! Вон, они друг друга поняли, я смотрю. Сдружились даже.

— Одна, — подтвердила я и уточнила. — Как зовут тебя?

— Ставр, — ответил он, затягивая завязку у ворота. Штаны тоже натянул, а вот сапоги пока не успел. — Сотник я, при князе Яромире, это который всю торговлю с севером держит. Значит, ты меня спасла и вылечила? — ещё раз уточнил он очевидное.

Я кивнула.

— Спасибо, не забуду, — серьёзно сказал воин. — А тебя как зовут?

— Ясна.

— Какого рода-племени, Ясна?

— Никакого. Изгои мы. Из тутошней деревни.

— Изгои? — нахмурился мужчина. — Понятно.

Раз понятно, то нечего и говорить!

— С чем столкнулся? — я подошла и села на лавку. Ставр сосредоточенно натягивал сапог. — Следы видела странные. Не ходят так звери, а у людей копыт нет.

— Ты и следы читать умеешь, не только лечить? — он не ответил на вопрос, поднялся и принялся хозяйственно сматывать шкуры.

Я даже не успела остановить и сказать, что не нужно, мало ли что с головой, не наклоняться бы, но вмешиваться не стала. Братья такие же, терпеть не могут своей слабости, только тогда лекарку и слушаются, и не дрыгаются, когда без памяти смирно лежат.

— Умею. И не только следы.

Ты смотри-ка, явно привык командовать. С трудом на ногах держится, а уже пытается допросы устраивать. Ну ничего, посмотрим, каков ты… княжий сотник.

— Охотница? — Ставр опустился на лавку чуть в стороне и испытующе глянул мне в лицо, а потом опустил взгляд на руки. Интересные у него глаза, даже не поймёшь, какого цвета: тёмные, но не чёрные, с золотистой искоркой.

— Почти.

— Поленица значит. Воин, — ни малейшего удивления. — А я думал, сказки всё это.

— Ну считай, я сказка, — миролюбиво ответила я, даже не спрашивая, как догадался. По рукам много о человеке сказать можно: чем занят, что делает, к какому труду привычен, где мозоли от меча, где от лука, а где от сохи. Как при прядении ниточка бороздку оставляет, как от иглы пальцы грубеют. Всё по рукам сказать можно, если знать, куда смотреть.

— Сказка, — протянул он и улыбнулся. — Слыхал я, у изгоев не обычные воины, а всякому ведовству обученные. Тоже сказка, или правда?

— Правда. А тебе зачем, сотник? Службу предложить хочешь? Так учти, мы дорого берём.

— А хоть бы и службу, — мужчина прикрыл глаза и облокотился на стену. — Нужны мне… то есть, князю, воины, которые не только с человеком справиться могут.

— А ещё и с тем, кого ты в лесу встретил, — согласилась я и встала, чтобы немного приоткрыть двери. Душно всё-таки тут, воздуха бы.

— Не знаю, кого я встретил, — сознался сотник. — Тварь неведомая. В два роста человеческих, косматая, рога лосиные, копыта кабаньи, руки человечьи.

— А когда примерно вышел он на вас? — я прикинула, кто из тварей нави мог быть, и по всему выходило, что… никто! Зима — одно из самых спокойных времён, спят все. Без тварей проблем хватает. Будь лето, лембоя бы заподозрила, но он севернее обитает, да выйти живым после встречи с лесным бесом человеку неподготовленному невозможно. Не всякая сталь его берёт, особая нужна, да и наговор обережный - иначе затопчет. Но этот - вышел. Даже если не лембой, всё равно сотник видать на удачу заговорённый. Ну или у богов на него свои планы. — Полдень, полночь, сумерки? Просто нападало, или колдовало что-то?

— Ничего не колдовало, просто полезло, я его мечом, а потом… не помню, что потом. И когда вылезло, не помню, день вроде был, полдень или рядом с тем, — он поморщился. — Вы всякую тварь знаете, так может…

— В напасти обвиняешь, сотник? — я сузила глаза. Ничего хорошего от “нормальных-то людей” ждать не следовало, я это уже выучила. Славный урок преподали, ещё в детстве. С виду все хорошие да правильные, богам требы кладут, законы свои блюдут, о милосердии говорят, а мы почитай каждый год в лесу несчастных находим: кого лешему оставили, кого от жизни тяжёлой извести решили, у кого дара пробудившегося испугались и нечистым посчитали, а кого и просто так, корысти ради.

Только не живых, а таких, что только и остаётся, что в овраге дёрном закидать, да краюшку рядом на пне оставить, чтобы душа неприкаянная напоследок хлебушка поела. То уже не нам судить, за дело ли, без дела выгнали.

А мы что… а мы изгои. У нас свои законы, своя жизнь. Умерли мы для них. Ни жить не можем в их поселениях, ни богам молиться, ни на суд праведный рассчитывать, убьют – так с убийцы никто и не спросит. Изгой – он и есть изгой, вне общества и вне закона.

Правда, суровость запретов уравновешивается неисполнением их же. Если очень хочется, то можно по-тихому к нам за помощью или товаром съездить, или даже в семью привести. В городах в слободу попроситься не возбраняется, там могут про род и не спросить, всякие в городе живут, если ремесло есть – примут. А княжьи дружины и вовсе с радостью наших воинов набирают. Но всё равно мы -- чужие, неправильные, не ровня. Нас терпят, с нами торгуют, но при случае каждый ткнет, что ты - изгой. Чужой. Лесной.

— Не обвиняю, — слишком поспешно для правды ответил сотник. — Да только всё больше и больше тварей выходить стало, на сёла нападать, людей губить без разбору, дома разорять. Вот и хочу понять, откуда вышло, откуда появилось, вдруг вы знаете… вы же на короткой ноге с навьями. Вот и говорят люди всякое…

И этот туда же!

— Не знаем ничего. Нам до людей дела нет, им до нас. По крайней нужде общаемся.

Мужчина не ответил, так и продолжил сидеть, облокотившись на стену и прикрыв глаза. Пёс положил голову ему на колени и тяжко вздохнул.

Предатель шерстяной.

Я подошла к приоткрытой двери и уперлась лбом о косяк. И чего это я так разозлилась? Ну ничего такого он не сказал, даже вежлив был. А что думает, так это все они одинаково думают, с каких пор меня волновать это должно?

А всё равно обидно…

— Ложись, отдыхай, сейчас тюфяк на лавку дам, не стала вчера доставать, всё равно не переложила бы. Скоро каша поспеет, и за мясом схожу. Много не дам, — сказала я скаредно, — нам ещё детей кормить, каждый кусок на счету.

— Еды мало? — уточнил он, приоткрыв глаза.

— Мало, — вздохнула я и полезла доставать обещанное. — Купить почти ничего не смогли, и охота не задалась.

— Будет еда, — пообещал сотник. Тюфяк с сеном перехватывать у меня не стал, позволил самой расстелить, значит, совсем слабость навалилась, — выберемся, и будет. Выведешь меня из леса, воительница?

— Выведу. Как распогодится только, и выведу, — я протянула ему ковш с отваром. — Пей, силы восстановит.

— Спасибо, — он взял ковш, руки заметно подрагивали. — Как отблагодарить за спасение?

— Хлеба поможешь купить, то в расчёте, — по правилам надо было бы отказаться, не берут платы за такое. Ты помог, тебе помогут — какие счёты? Но я ж изгой, что мне те правила?

А раз сам вызвался, надо и просить, пока можно! С него не убудет… Я вспомнила первый год, как попала к матушке, и поёжилась — тогда так же голодно и холодно было, хоть малышей не было совсем, а всё равно — плохо.

Мужчина тяжело увалился на лавку и закрыл глаза, совсем его разговор вымотал. Вот и славненько! Часок-другой поспит, полегче станет. А там и каша поспеет, я мяса поставлю в горшке томиться на ужин. И мысли соберу в кучу. Рассыпались они, как бусинки по полу у нерадивой невесты, вроде и понятно всё, а не собрать…

Нет-нет да и посматривала на спящего. Не знаю, почему, а тянуло к нему. Может, переживаю слишком? Всё-таки, ответственность какая-то на мне, а может…

Я закусила губу и мотнула головой. Ничего не может. Лучше в лабаз схожу, пока светло.

Сумерки опустились быстро, как вдовий платок на лес набросили. Только светло было, а вот уже и сереет, даже коптилочку зажгла, света мало, а дверь не откроешь… Метель разыгралась, стала колючей, била в лицо ледяной крупой. Так и неделю просидеть можно, хорошо, что в деревне ждать не стала, сразу вышла.

Быстро забралась в избу, отряхнула налипший снег и покосилась на мужчину, проверить, жив ли?

Не только жив, а вполне себе бодр. Проснулся, но виду не подаёт, а дыхание изменилось и веки подрагивают.

— Вставай давай, каша поспела, — я легко толкнула его в бок. — Успеешь выспаться, нам ещё долго тут сидеть, метель утихать и не думает.

— Встану сейчас, полежу немного, голова кружится, — но вопреки своим словам сел и опёрся о стену. — Спросить хотел, колечко у тебя на пальце красивое, откуда оно?

— Моё, оно всегда при мне было, — я подозрительно оглядела Ставра. А сейчас на что намекает?

— Извини, если чем обидел, — правильно понял мои интонации он. — Просто видел похожее, да купить не успел, вот и хотел узнать, может, взяла у какого мастера? Так я б к нему с оказией и заехал. Камушек больно приметный, редкий, я такой только один раз и видал.

— Меня зимой в лесу нашли семь лет назад, — я достала горшок и поставила его на стол. Таш воспитанно ждал в углу, но это не мешало ему смотреть голодными глазами. Потом дам косточек и остатки каши, ел же только вот. — Кольцо при мне было, откуда, не ведаю, как в лесу очутилась, тоже не знаю. Выгнали люди добрые или сама потерялась, неизвестно, — я хмыкнула и вернулась к теме разговора, дались ему мои злоключения, как Ташу свадебные ленточки. — А колечко… может, подарили, может, память от кого-то… похожих-то у любого мастера полно, даже наш кузнец скуёт, если камень принесёшь нужный. Садись за стол уже.

Сотник внимательно смотрел в узкое оконце шириной в бревно, словно хотел что-то разглядеть, да что там разглядишь…

— Совсем ничего не помнишь, что было до того, как нашли? — мужчина аккуратно зачерпнул ложкой кашу.

— Почти. Матушка Ягда говорит, так бывает, если что-то страшное произошло. Говорит, человек всё забывает, чтобы с ума не сойти. Иногда вспоминает позже, иногда нет. Я вот не помню. Только кошмары почти каждую ночь снятся, но я их тоже не помню. Матушка говорит, это прошлое вспоминается, но наяву забывается, — зачем-то поделилась я и тут же прикусила язык. Дались ему мои кошмары! Ещё меньше моей истории.

Ставр внимательно на меня смотрел, чуть склонив голову, и молчал. Странный взгляд, оценивающий, задумчивый, глубокий, словно тоже что-то своё вспомнить пытается. Тишина стояла такая, что слышно было, как трещит коптилка и воет за стенами метель.

— Отведёшь меня в деревню? — спросил он наконец.

— Зачем это? — напряглась я.

— Поговорить хочу с вашей… матушкой Ягдой, так?

— Не о чем вам разговаривать.

— Есть, — голос сотника налился свинцом. — Есть. Может, она и знает, откуда твари идут, да и другое…

— Нет, — я прямо посмотрела ему в лицо. — Не ждём от вас добра. На тропу выведу, а дальше сам.

— Почему? — он так искренне удивился, что у меня аж дар речи пропал. — Я с припасами помочь могу, ваши ж дети голодают, но и мне помощь нужна.

— Слушай, сотник, хватит об этом, — я отложила ложку, есть перехотелось. — У нас и так бед хватает, а вы ещё больше лиха приносите. Незачем тебе к нам дорогу знать. И закончим этот разговор.

Снова установилась тишина. Я поднялась к очагу, травы запарить надо, и себе тоже. Что-то совсем душу разбередила, не сорваться бы. Да и рана болит.

— Ясна, — он аккуратно тронул меня за рукав. — Если у тебя столько обиды к людям, почему меня тогда на той поляне и не оставила?

— Потому что это неправильно, бросать на смерть в зимнем лесу, — пожала плечами я. — Любого бросать неправильно.

— А если бы, например, узнала, что тот, кто умирает, тебя там оставил? — тихо уточнил он.

— Странные вопросы, сотник. Или знаешь кого? — не нравится мне, куда зашёл этот разговор, ой, не нравится! — Сам ты точно не мог, отроком тогда был.

— Я просто спросил, — улыбнулся он. — Понять, как далеко твоя доброта идёт.

— Ну раз так, — я с трудом сдержалась, чтобы не сказать ему, где видела его вопросы с подковыркой и что доброта моя на таких, как он, не распространяется, — да, всё равно бы спасла. Но потом, возможно, добила. Потому что в лесу — неправильно!

— Понял, — хмыкнул он и замолчал.

Глава 6. Морошь 7 лет назад

Меня словно на берег волной выкинуло. Я резко открыла глаза и не поняла, где нахожусь — жива? Или нет? Я огляделась. Стена, брёвна тёмные, лиственничные, потолки высокие, значит, не домовина. Лежу на лавке, накрыта медвежьими шкурами. С трудом повернула голову: изба. Большая изба. Надо мной склонился мальчишка-подросток, высокий, плечистый, коренастый со странными, светло-зелёными, почти жёлтыми глазами и длинными волосами, собранными в низкий хвост на затылке. Волосы тёмные, а уже седая прядь у виска пробивается.

— О, гля-ка! — крикнул он кому-то за плечо. — Новенькая очнулась. Ну, вставай, найдёнка, как звать-то?

— Зовут? — я прикрыла глаза. Ничего не помню. Ничего. Только лес, мороз и жгучую обиду, такую, что слёзы наворачивались. И всё… Ни как зовут, ни откуда родом, ничего не помню. Только знаю, что мне надо вернуться, надо забрать своё…

Я пожала плечами и для верности даже головой покачала, показывая, что не знаю. Не помню.

Парень не стал настаивать, помог мне сесть и опереться спиной о стену. Меня мутило, покачивало, будто я в лодке, а лодка эта посреди огромного водоворота кружится, переваливается с боку на бок. Перед глазами всё расплывалось, и я на мгновение зажмурилась.

— Где я? — я попыталась открыть глаза, приподняться, но тут же повалилась обратно: слабость была невероятная.

— Ты у нас в деревне, в Мороши.

— Морошь? Не помню такое…

— Тут Белоград недалеко, а деревня Вежьи Дворы и вовсе близко, полдня пути всего… Ну или Ботниковы слободы — это дальше, а ещё дальше за Белоградом Малые Торжки, но это за Свинежем.

— Не помню я там таких деревень, не знаю, где это, — хотя, может, и знала раньше, только сейчас какой толк? — А роду вы какого?

— Да нет у нас роду, — отмахнулся парнишка, — изверги мы.

— Так а из какого рода изверглись?

— А из разного. Изгои.

Ах, вот оно что… Слово “изгои” кольнуло, память на миг всколыхнулась и тут же опала, сомкнувшись, как тина болотная над брошенным камнем. Я должна была что-то помнить, но не помню…

Выходит, я не умерла? Выходит, меня спасли, принесли? Мир перестал качаться, я открыла глаза и поняла, что в горнице полно народа.

— Меня Лют зовут, — парень присел рядом и представился, не дожидаясь моего ответа об имени. — А вот мой брат Лунь — он кивнул на стоящего паренька, похожего на него, как две капли воды, у которого серебряные нити равномерно поблёскивали в чёрных волосах, тоже собранных в низкий пучок и перевязанных лоскутом.

— А это Еленья, — Лют непочтительно ткнул пальцем в девочку, точнее, юную девушку в тёмно-зелёном платье, держащуюся поодаль. Поняв, что говорят про неё, девушка фыркнула и демонстративно отвернулась. — Матушка её себе на замену учит, говорит, дюже способная. Не обращай внимания, она всегда такая, нелюдимая. Её мать новорожденную в ельнике бросила, от греха внебрачного избавилась. Чужинка она.

Еленья и вправду была чужинкой: стройная до худобы, с высокими скулами и слегка раскосыми смоляными очами, волосы как вороново крыло, аж в синеву отливают, и взгляд неласковый и стылый, как зимнее утро. А кожа белая-белая и такая прозрачная, что аж венки видно.

Полураспустившаяся нездешняя красота.

— А вот Медвяна, — продолжил Лют, названная девочка подошла и лучисто улыбнулась. — Сироткой осталась, её тётка родная в лес и свезла, на избу позарилась, ну и чтоб лишний рот не кормить.

— Там их действительно много, и все мал мала да меньше, и кушать нечего, — чуть слышно ответила девочка, а Лют тяжко вздохнул.

—Она всех любит да жалеет, — пояснил вздох парень, — по осени волчонка притащила, отощавшего, говорит: “смотрите, какой щеночек славный”! Мы чуть из избы через окно не выскочили. И выходила ведь. Та ещё тварь была, даже нас с Лунем не признавал, а к ней ластился. Потом в лес ушёл, как окреп.

Девочка покосилась на него и ничего не ответила. Она вся была гречишная. Две толстенные косы, цвета гречишного мёда, мелкие веснушки цвета обжаренной гречки, рассыпанные, как пшено. Даже личико, как гречишное зерно, с остреньким подбородком и широкими мягкими округлыми скулами. Она и пахла так же — терпким мёдом, цветами и травами. Глаза ласковые, медово-зелёные, лучистые. Сарафанчик розовый, выцветший из красного, и белая рубаха, совсем без вышивки. Странно, что ни у кого вышивки родовой, обережной нет.

— Куколка! — я вспомнила и аж подскочила. — Где моя куколка?

— Да вот же она, вот, всё сохранили, всё сберегли, — Медвяна сунула мне в руки мою тряпичную куколку, и я крепко сжала пальцы. Голос у неё тоже был, как гречишный мёд, нежный, сладкий, но не приторный.

— Так зовут как тебя, найдёнка? — не отставал Лют.

— Не помню, — я прикрыла глаза. — Ничего не помню. А нашли меня как?

— Тебя собаки наши учуяли, — обстоятельно-спокойно сказал Лунь и добавил с плохо скрываемой гордостью. — А довезли мы с братом. Так что можно сказать, ты теперь наша сестрёнка.

— Знаем, на какие места людей свозят, — мрачно пробурчал Лют. — И пошли просто посмотреть, а они как залают! Мы сразу поняли, что живой человек, из сугроба выкопали, ты уже почти не дышала, думали, не довезём.

— Однако ж отошла, матушка говорит, что это очень удивительно. Столько в самый холод да бураны в лесу пробыть, и даже носа не отморозить, — ехидно поделилась мыслями Еленья. Голос у девушки был подстать ей самой: высокий, звучный и при этом холодный, как весенняя вода.

— Ёлка, — прикрикнул на неё Лунь, — зачем ты так говоришь?

— А что я не так сказала? — дёрнула плечами чернокосая. — Всё правильно сказала, удивительной живучести наше новое приобретение.

Про род и родителей спрашивать никто не стал, да и какое это здесь имело значение? Изгои…

— Не переживай так. Всё, всё хорошо будет, всё наладится, матушка, она добрая, и остальные, они тоже добрые, и Ёлка добрая, просто прячет доброту. Всё будет хорошо, — прошептала Медвяна и погладила меня по руке тёплыми пальчиками.

Я кивнула и тут же об этом пожалела — к горлу подкатила дурнота. Не очень-то я и живучая, вон встать никак не могу, хотя, если вспомнить, откуда меня достали…

— Т-сс, матушка… — зашептал Лунь, и всё разом стихло.

Я почувствовала, что рядом кто-то сел, и, собрав всю волю в кулак, приоткрыла глаза. Всё было как мутной пеленой подёрнуто, но матушку разглядела. Ей оказалась женщина высокая, худощавая, с волосами, спрятанными под тёмное покрывало, и в тёмном же платье. Возраст я сразу так определить и не могла: с одной стороны, она показалась очень старой, почти древней, а с другой стороны, была в ней какая-то живость, зрелость, полнота.

Пелена перед глазами медленно таяла, и я поняла, что матушке лет сорок, может, сорок пять. Но взгляд суровый, тёмный, неласковый, лицо худое, губы тонкие, оттого и смотрится почти старухой. И сила в ней чувствуется. Глубокая сила, истинная, затаённая.

— Как поживает наша находка? Вижу, что очнулась. Что вы встали, как столбы придорожные? Медвяна, одежду неси, в светёлке сложена. Еленья, отвар подай, да похлебки налей в плошку. А вы что застыли? — цыкнула она на мальчишек. — Спальное место приготовили?

Всех как ветром сдуло, только Ёлка осталась и в печь нырнула почти по пояс.

— Ну, девонька, — обратилась ко мне матушка, голос у неё был ласковый и в то же время твёрдый. Если б она была матушкой, то была бы матушкой медведицей, подумалось мне. — Что случилось? Как в лесу оказалась?

— Не помню, — я сглотнула внезапно возникший комок в горле, и на мои глаза снова навернулись слёзы. Я против воли всхлипнула. — Ничего не помню.

Я ткнулась лбом в плечо женщине, чувствуя, как её ладони обнимают меня за плечи, и горько заплакала, сама не понимая, отчего. Матушка не перебивала, не спрашивала. Просто молчала, оглаживая руками мои плечи, и реветь хотелось ещё сильнее.

Плакала я долго, а когда перестала, в голове была такая пустота, что стало страшно. Ни слёз, ни мыслей. Даже горькая обида схлынула, как не было.

— Всё правильно, девонька, всё правильно, — приговаривала матушка и подсунула мне в руку пахнущий горькими травами и брусникой отвар в глиняной плошке. — Всё правильно, горюшко надо выплакать. Так оно легче. И придумать, ради чего жить дальше. А память… память придёт, если надо будет и когда надо будет. Об этом не переживай.

Я вздохнула. Вместо смытой слезами горькой обиды вставало совсем другое чувство, горячее, обжигающее и перехватывающее горло: ярость? Злость? Очень хотелось вернуться и… отомстить? Я не помнила, что произошло, но знала твёрдо одно: меня пытались убить, и ещё у меня отняли что-то очень дорогое, ценное. То, что было моим по праву. Странно это – не помнить, за что и кому, но желать отомстить, и отомстить страшно.

А может, и не странно, а как раз и нормально. Матушке я ничего не сказала.

— Вот одежда, — рядом со мной опустилась стопка ткани: платок, завеска - платье верхнее без рукавов да по бокам несшитое, чтобы нижнее не пачкать, само платье простое со шнуровкой у ворота, сорочка да вязаные иглой чулки и сапоги. Сорочка и платок из холста белёного, завеска в травянисто-зелёный окрашена, а платье шерстяное коричневое. Откуда-то я знала —это добротно и хорошо, но небогато. Я вот раньше… а что я раньше? Мысль вильнула хвостом и растворилась, как лиса в ельнике.

— А то, в чём я была? — я взялась за ворот рубахи.

— В огонь пойдёт, — матушка посмотрела на меня ласково, но строго. — Негоже за старое цепляться. Считай тризной по прошлой жизни. Нет туда возврата, девонька, привыкай...

Я кивнула. В огонь, так в огонь. Изгои, так изгои. Умерла, значит, умерла. Для этого меня в лесу и оставили, значит, назад нет дороги. Я ещё сильнее сжала куколку и нащупала под передником что-то твёрдое. Колечко. Простое, медное, с круглым розовым камушком. От одного вида в груди защемило и стало радостно-радостно. Я быстро натянула кольцо на безымянный палец, показывая, что в огонь оно не пойдёт, как и куколка. Матушка сделала вид, что не заметила.

— Ну не переживай, девонька. Все мы так живём, и неплохо живём. А тебя как звать-то? Меня Ягдой зовут. Матушкой Ягдой. Нельзя человеку без имени. Любое бери, которое глянется да на душу ляжет, раз прежнее не вспоминается.

— Я… — камушек игриво посверкивал в полумраке, розовый, задорный, как утреннее зарево. Зарево, утро... что-то знакомое… Я вздохнула и решилась: — Меня зовут Ясна.

— Переодевайся, Ясна, — матушка поднялась с лавки. — Обедать пора.

Глава 7

На следующий день метель повела себя подло и, как говорил Лунь, сделала обманный ход. С полуночи стала стихать, и я уже было обрадовалась, что скоро совсем уймётся, но к утру разыгралась с новой силой. За дверью висела всё такая же непроглядная белёсая пелена, и ничего не оставалось, как сидеть в избушке и надеяться, что распогодится.

Сидеть не хотелось, спать тоже. Сотник начинал невыносимо раздражать своим присутствием. Вроде и не делает ничего такого, просто рядом находится, а всё равно напряжение между нами, как тетива, того гляди, лопнет. Или вспыхнет, как сухая береста от малейшей искры. Неправильно всё это. И смотреть не хочешь, а всё равно смотришь, и как удушливой волной накрывает. А он… ещё и улыбается! Специально, что ли?

За весь вечер едва перебросились парой слов. Лунь говорит, что, когда долго едешь с незнакомым человеком, то поневоле рассказываешь ему всё, общаешься, делишься. Так вот, по моему мнению, это всё глупости. Ничего рассказывать и ничем делиться со Ставром мне абсолютно не хотелось.

Да и прямо сказать, почти сразу после ужина, как окончательно стемнело, мы завалились спать, улегшись на противоположных лавках. Пёс попытался было пристроиться на третью, но был согнан и, не особо печалясь, растянулся по полу всей тушей. Я наступила на него пару раз, вставая по нужде. Таш даже не огрызнулся, спал как убитый. Охранничек, чтоб его!

Я задремала быстро: сказалась полубессонная ночь, усталость, да и рана не давала о себе забыть, начала противно ныть да вниз оттягивать.

— А с рукой что? — на утро сотник был противно бодр и весел. И явно чувствовал себя лучше, чем вчера, а вот я наоборот: рука совсем разболелась, несмотря на отвары, и отказывалась подниматься. Всё-таки я слишком много на себя взяла, и раненого тащила-выхаживала, и готовила, и печь топила. Плохая сейчас из меня воительница да добытчица, отлежаться бы для начала.

Как я назад повезу полтуши лося, я старалась даже не думать. По всему выходило, что с трудом, но мне её главное с лабаза спустить и на салазки погрузить, а дальше я обвяжусь и дотащу как-нибудь. Наверное.

— Болит, — коротко бросила я. Глупо отрицать очевидное.

— Сильно? — в голосе воина не было ни капли насмешки, только ненужное мне понимание и сочувствие.

— Сильно.

— Покажешь?

— А ты лечить умеешь? — проворчала я.

— Ну, немножко умею, — сознался он, — давно, ещё в детстве, лекарка одна научила. Так покажешь?

— Смотри, — я неохотно закатала рукав и мстительно добавила: — только учти, сегодня за дровами тебе идти. И кашу варить тоже, я только добрым словом помогу.

— Схожу, — как-то слишком спокойно согласился он.

Он аккуратно размотал тряпки и…

— Ого. Где это ты так? — я вывернула голову. И вовсе не “ого”. Да, воспалилась немного, да, чуть стало подтекать, но в целом достаточно неплохо. Могло быть и хуже.

— Три недели, — он аккуратно, едва касаясь пальцами, пощупал кожу вокруг ранки.

— Шатун подрал. И не три недели, а неделя, — поправила я.

— Шатун…Неделя. Быть не может… Ещё меня тащила…

— Лекарки наши умеют и заговорить, и заживление ускорить, — я поморщилась. Не то чтобы нестерпимо больно, а противно. Хорошо, что хоть не дёргает и припухлости сильной да

болезненной нет, значит, не загноилась. — Ничего не надо делать. Просто промой там взваром заговорённым и перевяжи.

— Отдохнуть бы тебе, воительница, — Ставр взял с шестка горшочек с отваром и присел рядом на лавку.

Не знаю, почему его тон мне совершенно не понравился. Было в нём какое-то снисхождение. Ладно, когда ещё дядька Ратибор или Нелюд похожим со мной разговаривал, но… но этот! Словно я ему и не ровня вовсе, а какая-то девка обычная, которая только и может, что смущённо глазки в землю опускать.

Больше не говоря ни слова, он аккуратно промыл рану и потуже перевязал чистыми тряпицами. Хорошо сделал, опыт чувствовался. Ну да, рану перевязать — это любой воин уметь должен, а то если не сам кровью истечёшь, так твой товарищ.

— Топор-то где? — затянул он последний узелок, как нарочно на бантик. Вот ведь… Лют или Лунь нормально бы сделали, узел как узел, а этот… бантик. Но возмущаться не стала, незачем. И впрямь решит, что я девка капризная, и совсем хвост распустит, как глухарь на току.

Хотя, какая разница, что он подумает? Может, я его и не увижу больше.

— У двери стоит, — пояснила я. — А дрова – как спустишься с левой стороны, там чурбаки и лежат, снег смети с поленницы, и увидишь. Они навесом укрытые, только сверху намело вот. Может, и колотые есть, смотреть надо, не помню уже.

Он кивнул, накинул свой тёплый кафтан, подхватил топор и вышел из избы. Я принялась закатывать рукав обратно: кто я такая, чтобы ему мешать, пусть тоже свою лепту вносит. Заодно и посмотрим, насколько княжьи сотники к домашней жизни приспособлены. Рука постепенно переставала ныть, успокаивалась, но не совсем — стоило неловко повернуться, как она тут же начинала напоминать о себе — осторожней, дескать.

— Вот так и живём, Таш, — я обратилась к собаке. — Как думаешь, сможет дров нарубить, или облажается?

Пёс поднял голову и зевнул, показав розовый язык.

— Я тоже думаю, справится, дело-то простое. А кашу я ему, так и быть, помогу сварить. Совет там дам дельный, подскажу, как и чего. Что, не помощь, скажешь? Ещё какая! Он, может, привык, что ему всё на золочёном блюде подают да ложку прямо в рученьки кладут. Сотник же, не абы кто!

Таш чихнул и прикрыл глаза. Никакого сочувствия!

Мужчина вернулся нескоро, причём задержался настолько, что я собралась было начать переживать: может, топор на ногу уронил с непривычки и лежит там помирает? Но нет, пришёл, да ещё с охапкой дров. Неужели с запасом наколол? Хорошо бы, задерживаться не придётся!

Ставр отряхнул с непокрытых волос серебристую россыпь снежинок, сгрузил дрова у очага, взял вёдра и снова скрылся за порогом.

Если он ещё и печь затопить сумеет, точно переменю к нему отношение! Может быть.

Но и тут сотник смог меня удивить.

Очаг он разжёг быстро да сноровисто, будто всю жизнь этим занимался. Вёдра со снегом поставил ближе к тёплому печному боку и уселся за стол совсем уж по-хозяйски, сразу перечеркнув все проклюнувшиеся к нему хорошие чувства.

— Слушай, воительница, а главный у вас кто?

— Нет у нас главных, на общем сходе всё и решаем.

Он кивнул. Дескать, знакомое дело — сход. Все голос имеют, ну не все, конечно, а кто возрастом вышел. Только в городах и сёлах одни мужчины говорят, а у нас все, и мужчины, и женщины. Живём мы уж совсем не так, как “простая” деревня. Совсем не так. Понятно, что есть те, к кому прислушиваются больше, кому слово последнее оставляют, но всё равно — всем миром.

— А если поговорить по одному делу надо, то это к кому?

— Смотря что за дело, — тепло от печки наполняло избёнку, рука не болела, и настроение у меня улучшилось. Даже пообщаться захотелось, но аккуратно, мало ли что он выведывает, да для чего. Ощущения от сотника были странные: вроде и довериться можно, а вроде и все наставления дядьки Нелюда вспомнила про осторожность да обережность.

— Давай начистоту, — он опёрся на стол, и я невольно залюбовалась на огненные блики, пляшущие в волосах и на лице, отражающиеся в золотой вышивке кафтана. Никогда не замечала мужскую красоту, все парни как-то одинаковые, а тут заметила. Странно… усталость так сказывается или морок наведенный? Вон какой он огненный, что на вид, что на ощупь! — Нужно мне поговорить с человеком ведающим да опытным, тем, который всю лесную тварь знает, да не живущую, а… вот как ты назвала того, кто на меня напал?

— Лембой, — кажется, я стала понимать, куда он клонит. — Он же лемба, лембза. Злой лесной дух, на нечистых местах зарождается, лес свой стережёт, а лежбище своё охраняет люто. Только спит он зимой. Обычно спит, не знаю, что его разбудило. Да и не было их тут никогда, разве мы б тварей подпустили так близко?

— Вот и я о чём говорю, — оживился мужчина и даже ещё больше вперёд подался. — Полезла нечисть лесная, страшная и не ко времени! И болезни тоже не ко времени. Лихоманки, порчи… Земля проклятой становится, гиблой, целые деревни вымирают… Но главное — твари. Раньше их немного было, с теми, кто к людям выходил, либо мужики с дрекольем справлялись, либо дружина. А сейчас совсем худо стало. Лекари да знахари ничегошеньки сделать не могут, твари наглеют, среди людишек ропот пошёл о конце света. Ходят странные проповедники по городам и весям, к бунту подбивают. Мы с дружиной решили в Исборге зимовать, но потом сюда выдвинулись, слухи дошли, что совсем места гиблые стали, тут недалеко ещё Дикое Поле, князья приграничные грызутся, как псы голодные. Так-то дальше Свинежа… знаешь эту крепость? — я кивнула. Кто же Свинеж не знает! Крепость старая, говорят, заговорённая. Стоит на острове на излучине реки Пучай, неприступная. За ней как раз то самое Дикое Поле — Ничейные Земли, и охраняет она пути речные, торговые. — Вот дальше Свинежа, оно вроде как и привычное, а тут… Остановились недалече, да к нам гонцов и прислали, так мол и так, избавьте, лютует тварь. Мы сперва решили, что или стая волчья, или медведь-шатун, вот и поехал я с небольшим отрядом, думаю, разомнусь заодно. А он на нас вышел. А дальше ты и сама знаешь.

Я вспомнила ребёнка с болотной лихоманкой и закусила губу. Значит, не только у нас в округе такое. Навьи, шатуны, неурожаи да болезни не ко времени. Везде беда, везде плохо.

— Вот и прошу: отведи меня в деревню! Вы ведь ближе к этому живёте, больше нашего знаете, — он совсем всем телом подался вперёд, чуть ли не нависая надо мной. — Мне поговорить только. Нужно, очень нужно!

Я замерла, а потом против воли выпалила:

— Хорошо. Только поклянись, что зла не сделаешь никому и никого не будешь подговаривать сделать зло!

“А то знаю я вас,” — добавила я мысленно. Зря я это сделала, ох зря! Выскажет мне матушка! Хорошо, если только словами! Сама пусть не врагов, но уж точно не друзей приведу!

Может, назад всё вернуть, пока не поздно? Слово окончательное-то не сказано.

— Клянусь. Жизнью клянусь, — тихо и спокойно пообещал сотник, глядя мне в глаза. — Слышишь, Ясна? Клянусь. И припасы будут, как договаривались.

Установилось молчание, слышно было, как за стеной начала снова завывать вьюга, а в очаге потрескивает огонь.

— Это если только с матушкой Ягдой поговорить, но она больше по лекарству, волшебству, найдёнышам, — начала я, поняв, что уже не отвертеться. Да, если вправду говорить, не

чувствовала я от него беды. Не юлил он, когда сказал, что очень нужно. – Больше неё про навий только дядька Нелюд знает, он в Искоростень ушёл и до зимы из столицы не вернулся.

— Значит, с матушкой и поговорим, — ничуть не расстроился Ставр, откидываясь обратно. В избушке сразу стало просторней и легче дышать. Силой от сотника так и пыхало, горячей, огненной, обжигающей. — О, вода почти стаяла. Давай кашу поставлю. А соли мало… — поведал он, заглянув в закрытую крышкой солонку.

— Соль дорогая, — вздохнула я. — Старые запасы чуть остались, в этом году ничего купить не смогли.

Мужчина кивнул и сноровисто, будто всю жизнь только этим и занимался, занялся и кашей. Движения были красивыми, выверенными, отточенными. Воин – он и есть воин. И руки красивые…

Я вздохнула и отвела взгляд в сторону. Дела мне больше нет, чем руки всяких там рассматривать.

— Ясна, а тебя лихой схватке обучали? — уточнил он, не поворачивая головы.

— Обучали, — хмыкнула я. — И меня, и братьев. А тебе зачем? Неужели и вправду нанять нас хочешь?

— А разве в первый раз было похоже, что я шучу? — вопросом на вопрос ответил он. — Воины, умеющие постоять навьям, да ещё и волшбу какую знающие, очень нужны. Не поскуплюсь.

— Ты сначала с князем о жалованьи договорись, да с дружиной о том, что изоев приведёшь, — подделала я. — Лесные воители дорогие, товар редкий, да штучный. И не всем такое соседство понравится.

— Договорюсь, — со странной интонацией протянул он, — не откажет князь. И с братьями твоими поговорю, как вернёмся. Может, и матушка что подскажет.

Я пожала плечами и посмотрела в мутное окошко, да только ничего не увидела. Дверь была приоткрыта, чтобы дым лучше шёл, и по ногам немного сквозило, но и в узкую дверную щель тоже ничего интересного не разглядеть, вот и оставалось смотреть на сотника и надеяться, что он не истолкует моё внимание превратно. Хоть бы пес проснулся, всё веселее, но Таш как-то незаметно переместился в угол под лавку и теперь выглядел как брошенный тулуп. Вот скажите мне, сколько можно спать?

Лихая схватка… а ведь Ставр прав, дело наше и вправду было лихим, непривычным. Это обычного воина учат воевать, нас учили выживать. Никакого кодекса чести и достоинства, никаких правил писанных или неписанных — цель одна – выжить. Выжить, когда твой противник сильнее, выжить одному против толпы. Драться мечом, топором, кулаком и умением, а чаще ворожить, глаза отводить, путать мысли, путать дорожки, пугать коней и… драться с теми, кого нормальный люд и не встретит никогда — с проклятыми, с навьями.

Если вы в лес лишь по грибы да ягоды ходите, в глухой чаще не живёте, вряд ли вы их даже встречали. А если встречали, то никому и никогда уже об этом не расскажете.

А у нас тут дом, и другого дома нет…

Надо ли говорить, что все, кого дядька Нелюд обучил, были особенными?

Глава 8. Морошь 7 лет назад

ше себя почувствовала. Сама дошла до стола, на котором уже стояла плошка с горячей похлёбкой. Всё, что у меня осталось от прежней жизни: куколка да перстенёк. Куколку за пазуху, а перстенёк надела.

Одежду сожгли вечером на костре, просто так, буднично, будто каждый день тризну делают. Матушка шептала какой-то наговор, кидала в костёр землю, горькие полынные травы. Я безучастно смотрела на пляшущее пламя: вот оно, моё погребение, символическое, огненное, но… всё равно погребение. Домой не вернуться, как если бы я и в самом деле умерла. Знать бы ещё, где этот дом, да что с ним стало.

Я украдкой посмотрела на ребят, с которыми мне предстояло жить. Семья… моя новая семья. Лют и Лунь стояли совсем близко, поглядывая на меня немного даже с гордостью: дескать, какие мы молодцы. Медвяна вообще держала меня за руку, украдкой поглаживая по тыльной стороне ладони. Еленья, скрестив руки на груди, стояла сразу за матушкой у правой руки. Они даже были чем-то похожи: такие же статные, такие же неприступные, как изваяния.

— Пойдём, деревню покажем, — дёрнул меня за рукав Лунь, когда всё закончилось и от костра остались только тлеющие угольки. Волчий полушубок, что мне выдали, был огромным, сильно на вырост, но тёплым. – С кузнецом познакомим, наше место учебное покажем, а может, и с наставником нашим, дядькой Нелюдом, встретимся. У бортника мёда возьмём, ежели даст, конечно. Но ты новенькая, тебе даст, он добрый.

Деревенька была небольшая, десятка два подворий, обнесённая по кругу крепким частоколом с тяжёлыми воротами. Посередине деревни кузня, даже отсюда молот слышно. Кое-где блеяли козы, надрывно орал петух.

— Огороды за частоколом, — с гордостью, будто сам сажал, пояснил Лют, — и сады дальше, у берега реки. Весной сходим, посмотришь, красотища! Весь берег как молоком облит. И яблоки есть, и вишня, и слива, и смородина, крыжовник — княжеская ягода. Ну и лес, он рядом — прокормит.

— А поля? — глупо уточнила я.

— Какие в лесу поля? — обидно хохотнул Лунь. — Тут даже лугов покосных нет, с полянок только коз и прокормить. Ни одной коровы не держим, её на сене да ветках зиму им не пережить, нет кормов. Даже лошадь одна, не тянем больше, а без лошади совсем плохо. Всё, что надо, у деревенских выменяем. Наше ремесло хорошо идёт: и железное, и тканное, пушнина, опять же, а больше травы да амулеты, да за делом ведовским, лекарским. Так что дорожка-то проторённая, если сговориться, мужики деревенские за шкурки и льна, и хлеба привезут, а то и помогут с чем. Раньше легче было, а сейчас... — Лунь как-то по-взрослому обречённо махнул рукой. — Мор был осенью, такой, что даже матушка не знала, как и остановить. Вечером здоров, а наутро и остыл уже. А может, и навьи баловались, поди разбери. Умерло много, всё больше мужчин молодых да парней, а кто не умер — на отхожий промысел подался, мор-то не только у нас прошёл, кормиться-то надо. Мы тоже с братом выучимся и воинами станем, в дружину наймёмся или ещё, может, к купчишкам в охрану – тоже дело нужное! Или... — мечтательным тоном протянул парень. — Дикое поле рядом. Если возьмёшь, да удержишь, то и в князья выбиться можно!

— А что? — задорно подхватил Лют. — Дядька Нелюд нас хвалит! Говорит, будет толк, если стараться станем. Пойдём! — и, ухватив меня за рукав, потянул по одной из узеньких дорожек, верёвочками разбегающихся за воротами. Я поспешила за ним, стараясь не увязнуть в снегу на узенькой, только одному человеку и пройти, тропке и не запутаться в полах длинного полушубка.

Идти пришлось не очень далеко, за ближайшими разлапистыми елями оказалась сравнительно небольшая, утоптанная полянка. У самого входа на неё, где кончалась тропинка, стоял деревянный идол чуть ниже роста человека, грубо выструганный из толстого бревна. Я всмотрелась в лицо, пытаясь понять, какому богу здесь молятся, и не углядела ни одного знакомого знака. Лицо старика, вырезанное просто, но живо. Странно. Или мне совсем память отшибло, богов узнавать перестала? Совсем дело плохо…

— А это кто? Каков бог? — я непочтительно ткнула пальцем в изображение и тут же убрала руку, смущённо кашлянув. — Не могу признать…

— А это не бог, — равнодушно, даже не обернувшись, протянул Лют, что-то выискивая в полузаметенном шалаше у раскидистого куста непризнаваемого роду-племени. — Точнее, не совсем бог. Это Дед.

— Дед?

— Ну да, Дед. Или Мёртвый бог. Предтеча. Тебе потом матушка расскажет, а пока… вот, нашёл! — и он с торжествующим видом поднял над головой два деревянных меча. — А ты говорил, сгинут, сгинут, не найдём!

— И не нашли бы, если б снегопад ещё сильнее был, а шалаша не было, — проворчал Лунь. — Зря тебя послушал, надо было с собой забрать. В этот раз и заберём!

— Не ворчи, стариком станешь! — хмыкнул Лют и протянул ему меч. — Смотри, Ясна, чему нас дядька Нелюд научил! — и, явно рисуясь, сбросил полушубок и шапку на снег.

Парни закружились на поляне друг напротив друга. Щитов у них не было, или не сделали, или искать не стали, но согнутую в локте руку держали как положено… Как положено… Воспоминание вильнуло хвостом, но исчезло прежде, чем я успела его ухватить…

Удар, удар, блок, и Лунь, сделав вид, что чуть оступился, вынудил брата замахнуться раньше срока, едва уловимо отступив в сторону. Лют азартно кинулся вперёд и чуть не пропахал носом снег, восстановив равновесие в самый последний момент.

А Лунь хорош, только зря бок открыл, не делается так. Будь Лют похитрее, мог бы извернуться и пырнуть, и...

Неожиданная мысль петлей захлестнула горло и тут же гадюкой ушуршала: стоп, а я откуда знаю, как хорошо, а как нет?

— Можно мне? — мой собственный голос прозвучал будто со стороны и как-то каркающе, незнакомо. Мальчишки мигом сбились с ритма и непонимающе уставились на меня.

— Тебе? — Лют, раскрасневшийся, запыхавшийся, мельком посмотрел на брата. Тот едва заметно пожал плечами. — А на что тебе? Ты же девочка!

— Да так, просто, — растерянно пробормотала я. — Не знаю, что нашло на меня.

И вправду, глупо как-то. Какой девке меч? Ей не меч, ей печь нужна.

— На, держи, — что-то решив про себя, Лют сунул мне в руку свою деревяшку и отступил в сторону. — Попробуй, чего уж. Лунь, покажешь ей пару приёмов? Только аккуратнее, не зашиби. Мы не за тем её столько на себе по лесу волокли, чтобы в учебной сшибке прибить.

Я сжала пальцы на деревянной рукояти, неловко одной рукой стаскивая с себя полушубок. Мороз небольшой, не замерзну, я же ненадолго. Лунь отошёл на середину полянки и поглядывал на меня с явным интересом, как на диковинную зверушку. Лют привалился к идолищу и непочтительно нахлобучил на деревянную макушку свою шапку.

“Не простудился бы, вон какой разгорячённый”, — подумала я отстранённо. Наконец полушубок поддался и упал на снег. Я размяла кисть и пошла навстречу Луню.

Дурашливое выражение сползло с лица мальчишки, и он незаметно подобрался, как волк перед прыжком. За спиной удивлённо охнул Лют. Тело, словно вспоминало забытое, само перетекло в стойку, точно скопировав позу парня.

Лунь ещё раз хмыкнул, на этот раз уважительно, и ударил первым, несильно, так, чтобы испугать, но больно не сделать. Много ли девке надо? Я легко отбила атаку, в свою очередь

слегка шлепнув его мечом по бедру. А чего это он подставился? Нельзя так бок открывать, сразу ткнут чем острым. Привычная ошибка у него, отработать надо.

Установилась тишина.

Лунь собрался и пошёл на меня полукругом, скользящим шагом, и не отрываясь смотрел на меня. Я крутилась на месте, стараясь тоже не спускать с него глаз. Время замерло, размазалось, звуки стихли. Ничего не осталось, только я и парень напротив…

Наконец ему надоела эта круговерть, и он атаковал, грамотно, правильно, пытаясь сбить с ног, оттеснить. Я чего-то такого и ожидала, меч подставила, даже рукой взмахнула, будто на щит принимая, пусть щита-то не было. Да и Лунь, выше, крупнее, тяжелее, что я ему сделаю? Только постараться отвести и… внезапно пальцы закололо тысячами иголочек, ладони налились жаром, а по мечу словно волна прошла — незримая, но вполне ощутимая. Парня отшвырнуло от меня, как куклу, и опрокинуло в ближайший сугроб.

Боги, что это?

— Ого, — присвистнул откуда-то сбоку Лют, его голос доносился как сквозь пелену. Я выронила меч и ошарашенно уставилась на не менее удивлённого Луня, сидящего в сугробе. — Ничего себе. И воинскому делу обучена, и дар к ведовству есть… Да кто ж ты такая-то?

— Ведовству?

— Лют, беги к дядьке Нелюду, пусть он посмотрит! Быстро! — Лунь сноровисто поднялся с земли, походя отряхивая штаны. Встал рядом, но близко подходить не спешил.

Лют подхватил шапку и полушубок и рванул к деревне, только снежная пыль вслед завихрилась, и ёлки шевельнули лапами, сбрасывая снежные шапки.

А я так и осталась стоять посреди полянки, как одинокая берёза у дороги. И что теперь будет? Вызвалась на свою голову! Может, одеться и уйти, пока не поздно? Я покосилась на Луня — тот рассматривал меня совершенно не стесняясь, с каким-то нехорошим любопытством, а потом потребовал:

— Руки покажи!

Я послушно протянула ему руки. Парень двумя пальцами взял меня за правую кисть и развернул ладонью вверх, вглядываясь так пристально, словно там были написаны все тайны бытия.

Я тоже заинтересовалась и глянула поверх его головы — ладонь как ладонь, даже чистая. Ничего интересного. Время застыло, как травинка во льду, и я поймала себя на том, что даже дышу через раз, боясь потревожить установившуюся тишину.

— Привёл! — радостно заорал на всю поляну раскрасневшийся Лют, вспугнув стайку мелких пичуг. Я выдернула руку из пальцев Луня и покраснела, будто что-то неприличное сделала. За Лютом шёл высокий мужчина с непокрытой головой. Видимо, тот самый грозный наставник.

Ну, посмотрим, что он скажет. Может, пойду отсюда с миром и забудем, как досадность?

Дядька Нелюд оказался подстать своему имени: угрюмый, взгляд исподлобья, насупленный, высокий, жилистый. Борода коротко подстрижена, волосы чёрно-седые, серой повязкой перехваченные, а глаза серые, как лёд по весне. А на боку меч приторочен в кожаных потрёпанных ножнах и с потёртой кожаной же рукоятью.

Он обошёл меня кругом, будто даже не всматриваясь, а внюхиваясь. Потом аккуратненько двумя пальцами дотронулся до моего плеча и развернул, пальцем поддел подбородок, внимательно вглядываясь мне в глаза. Что он там хотел увидеть, не знаю, но мне стало не по себе.

— Это что за явление? — задумчиво протянул он.

— Да мы её испытали, дядька Нелюд. Она дело воинское знает и ворожить умеет! — Лунь аж солнышком светился, будто клад нашёл. — И на руки её посмотрите, там мозоли не

сошли, аккурат по рукояти! Учёная она, точно говорю, учёная! А иглу, кажется, вовсе в руках не держала, сами посмотрите, кончики пальцев совсем мягонькие.

— Вот, значит, как… И ворожить, и драться умеет? А шить не умеет? Откуда ты, чудо? Кто учил?

— Не помню, — честно мотнула я растрепавшейся косой. — Не помню. Я совсем ничего не помню. Вот просто меч взяла, а дальше оно само… — я развела руками, чуть не заехав слишком близко стоявшим парням по носу. Я ни при чём! Точно ни при чём.

Может, теперь отпустят?

— Вот как, — хмыкнул в бороду Нелюд. — Хорошо. Лунь, подай ей меч. Сейчас против меня выстоять попробуешь. Чего застыла? Не убью, не бойся.

Опередив брата, Лют протянул мне оружие, которое я приняла ослабевшими пальцами. Я против опытного воина? Вы шутите? А Нелюд, между тем, обнажил свой меч. Настоящий меч, отточенный, не деревяшку учебную.

Ой, мамочки!

— Готова? — спросил он спокойно.

— Нет, — пискнула я, не успев даже встать в позицию, и он ударил легко, как отмахиваясь от надоедливой мухи. Но тело отреагировало странно: не понимая, что делаю, я подставила меч под замах, одновременно отступая в сторону, не блокируя, а отводя удар от себя. Кончики пальцев противно закололо, ладони похолодели, и меч завибрировал, задрожал, как спущенная тетива — глазу незаметно, рукам ощутимо. Воин отшатнулся, как от удара, покачнулся и опустил оружие.

— Хороша, — протянул он со значением, вроде даже не удивившись. — Давно я вашу сестру не встречал.

— Какую сестру? — тихим голосом уточнила я. Меч выпал из ослабевших пальцев на снег, удержать его я даже не пыталась. Меня колотила нервная дрожь.

— Полениц, — спокойно ответил дядька. — Девок, что могут наравне с мужиками биться. Да не просто наравне, а и превосходят порой. Магия им дана редкая, неведомая, только говорят, за неё частью души платят. Иногда их Моревнами кличут — дочерями смерти. Ты, видать, из таких. Редко они рождаются, очень редко, но коль родились, да к знающему человеку попали, значит… Ну то пустое, ещё посмотреть надо. Не всякая поляница прямо Моревна, не обольщайся-то слишком.

Больше ничего не поясняя, он развернулся как ни в чём не бывало и пошёл в сторону деревни.

— Коли надумаешь, приходи, обучать буду, — добавил он, не оборачиваясь. — Только подумай прежде крепко, назад дороги не будет. Воинское дело неспокойное, а воинский век недолгий. Детишек понянчить тебе точно не придётся, да и замуж кто такую возьмёт? Мало мужиков, которые не просто наравне встанут, а верх возьмут, а кому нужна жена, которая по всем статьям выше будет? Подумай, девочка, крепко подумай. А я… Есть поверье у нас, что каждый учитель должен хоть одну поленицу воспитать. Вот, значит, так и сложилось. Дождался, значит.

И ушёл.

А я стояла посреди поляны, как тот идол, переводила взгляд с Люта на Луня и обратно и очень хорошо понимала — мне и думать не надо.

Я должна уметь воевать. Уметь убивать.

Только зачем?

“Чтобы вернуться и отомстить” — прошелестел в голове внутренний голос и пропал. Я закрыла глаза, чувствуя, как жгучее, как не остывший уголь, чувство разливается в груди. От него хотелось кричать во весь голос и крушить всё вокруг.

Мне было кому и за что мстить. Хоть я этого и не помнила.

Глава 9

К следующему утру всё-таки распогодилось, снег лежал вокруг пушистым покрывалом. Выскочивший из избы пёс со всего маху прыгнул в самый большой сугроб, скрывшись в нём по макушку. Что собаке радость, то нам тяжкая дорога. Попробуй пройти по такому пуху!

Ещё не начало светать, звёзды висели низенько-низенько, и в их свете снег искрился, переливался, будто ковер в сказочном княжестве. Мороз пошёл на убыль и не обжигал, а скорее приятно холодил после жаркой и душной натопленной избы. Хотелось просто стоять в дверях, дышать лесным воздухом и любоваться темными очертаниями елей, смотреть на голубые искорки снега и на золотистый рожок месяца.

— Ну и где твой лось? — мужской голос выдернул меня из благостного состояния, как карася из речки. Вот всегда так! То Лют, то Лунь, то этот… Я обернулась, воин был уже полностью собран, даже кольчугу натянул. — Надо идти, пока время есть, вдруг опять разыграется.

Без него знаю, раскомандовался тут.

— Подожди, я сейчас тебе братовы рукавицы дам и запасные лыжи, — я нырнула в избу и пошарила за остывшим очагом. Рукавицы лежали на своём месте, мы всегда оставляли одну пару у печки, мало ли, кому сгодятся. Теряются они быстро, а на морозе ты продержишься до тех пор, пока руки не замерзнут, а дальше уже как повезёт.

Поэтому в избе запасная пара всегда лежала: и широких лыж, и рукавиц. Лес не терпит пренебрежения и легкомысленности. Особенно такой лес, как наш. Есть небольшие леса молодые, приветливые да чистые, когда всем миром и от сухостоя чистят, и детишек малых одних по грибы да ягоды отпускают. Наш лес иной — он древний, суровый, дремучий. Мы, и то только до границы определённой ходим, а деревенские и вовсе дальше опушки не суются. Недаром наш острог так близко к деревне и стоит, полдня — день ходу всего. Другие изгои совсем в чаще обретаются, порой за неделю от ближайшего жилья не дойдёшь. Оно и правильно, чего хорошего от деревенских ждать?

Но… если идти дальше на восток, а потом повернуть на север, то наткнёшься на невысокие каменистые гряды – их гривой называют, уж не знаю, почему. Именно эти называются и вовсе неприятно – Гиблая Грива, а за ними чащобы непролазные, такие, что наши дебри огородом покажутся, где капуста в рядок растёт. И ходят про эту Гриву слухи мутные, нехорошие. И про капище древнее, и про всякое такое. Она не очень далеко от нас, если, конечно, знать как идти, только я за Гривой никогда не была. Братья как-то проговорились, что ходили туда пару раз, но на этом и всё. Я не спрашивала, всё равно делать там нечего, туда даже зверьё не ходит, все тропы обратно поворачивают.

— На, держи! — я протянула Ставру простенькие, так неподходящие богатому наряду рукавицы. — Пока будешь стаскивать да на салазки грузить, я немножко в доме приберусь и лыжи тебе достану.

Мужчина кивнул и, не говоря больше ни слова, шагнул в темноту.

— Спасибо, избушка, за тепло, за защиту, за заботу! — я повернулась в сторону очага и поклонилась, как и положено, дотянувшись до пола кончиками пальцев.

Надо как следует отблагодарить, попрощаться. Чтобы, когда в следующий раз сюда вернёшься, тебя снова укрыли не только от непогоды, жары ли, холода ли, но и от всякого глаза лихого, недоброго. В основном от лихого и недоброго укрыли.

Видно, что кругом нечто ходит, а к избушке на полянку даже не суётся — оберегает место, нездешним тварям нет хода. С умом полянка выбрана.

А теперь осталось самое важное: разложить сухие дрова у печи, как раз на одну-две растопки, поставить на место вёдра и утварь, оставить немножко соли и крупы, спрятать недалеко огниво. Правда, крупы в этот раз совсем мало вышло, ну ничего, хоть сколько-нибудь, да есть.

Мы же тепло и кров взаймы берём, ушёл — оставь, как было: чисто, прибрано да дрова на растопку заготовлены. Неизвестно, когда ты, или кто ещё сюда набредёт, вдруг совсем без сил будет, а тут и дрова есть, и огниво, и крупы немного лежит, а значит, и согреется, и поест, и выживет. А если нет? Вот, то-то же.

Уходишь — сделай так, как до твоего прихода было. Таков закон.

Хорошо, что почти всё мы ещё с вечера убрали да дров заготовили, долго возиться не пришлось. Когда я спустилась, Ставр уже ждал меня, на салазках было уложено мясо, укрытое мешковиной и перевязанное верёвкой. У ног мужчины крутился Таш.

— Ну что, воительница, показывай дорогу. Точно не заплутаем?

— Не заплутаем, — фыркнула я, протягивая ему лыжи. Заладил: воительница, воительница. Будто у меня имени нет. — Таш, домой!

Пёс напоследок ещё раз крутанулся, вскинул голову, нюхая воздух, и прыгнул вперёд, снова зарывшись в снег по уши. Вылез из сугроба довольный донельзя и снова зарылся. Как мало ему для счастья надо!

Я протянула руку, намереваясь взять верёвки от салазок. Но…

— Ясна, ты лучше вперёд иди, дорогу показывай, а сани я уж сам дотащу.

— Нам ещё лыжню протаптывать, — осадила я его. — А это по такому снегу работа не из лёгких, так что меняться будем. Но ты не переживай, — тут же утешила я сотника, — скоро мы на оленью тропу выйдем. А дальше по руслу ручья пойдём, совсем легко станет.

И пошла вперёд.

Мы шли молча, широкие охотничьи лыжи утопали в снегу, и каждый шаг давался с неимоверным трудом. Я даже не знаю, что было сложнее: тащить сани с тушей или прокладывать вперёд лыжню по такому рыхлому, свежему снегу. Да, по целине ты не едешь и не скользишь, а ступаешь каждый раз вместе с лыжей, поднимая тяжёлые налипшие снежные пласты.

Солнце уже ползло к полудню, когда мы только-только дошли до оленьей тропы, уставшие и взмокшие. Идти по свежевыпавшему снегу — сущее мученье, а тут ещё салазки, и сами не совсем здоровы.

Хорошо, всё-таки, что он мне повстречался, одна я бы за день не дошла, пришлось бы по пути ночевать, а это… чревато. Учитывая то, с чем Ставр тут столкнулся. Поэтому только вперёд, заночуем, если только совсем поймём, что не успеваем и из сил выбились. Зимой в лесу ночевать проще, чем кажется: снежная яма или нора, правильно вырытая, да небольшой костерок. Снег как одеяло тепло держит, в нём в любую пургу тепло, и любой мороз переждать можно.

Но лучше всё-таки дотопать до жилья. Целее будем.

По тропе дело пошло быстрее, а как вышли к ручью — и вовсе легко. Только вот к ручью мы вышли уже в сумерках. Это на лугах и долинах хорошо, там долго видно, а в лесу темнеет быстро, под деревьями и кустами сразу чёрные тени протягиваются.

Не сговариваясь, шли ходко, останавливались на короткие привалы и снова шли. Если долго отдыхать, то не встанешь потом, идти будет очень трудно, в шаг не вольёшься. Поэтому посидишь немного и снова в путь.

Дома отдохнём. Хоть весь день спать можно будет.

К деревне подошли даже не затемно, а сильно за полночь. Ворота ожидаемо закрыты, за воротами тишина.

Мужчина опёрся на створку и тяжело, надрывно закашлял.

“Храбрился больше”, — мелькнула мысль, – “всё-таки сильно его потоптали. Надо матушке сказать, пусть посмотрит. А то сляжет ещё. А ведь салазки почти всё время тянул, особенно под конец, как бы не надорвался…”.

Я легонько тронула его за рукав и отвела чуть в сторону, где была небольшая калиточка для хозяйственных нужд. Ещё одна, скрытая, была с другой стороны тына. Ворота нам сейчас точно никто отпирать не станет, а вот калитку откроют.

Надеюсь на это.

— Открывайте, свои пришли! — я отвязала лыжу и со всей силы пнула калитку. Достучаться я и не надеялась, а вот собак переполошить можно. И я не ошиблась — из-за ворот послышался многоголосый лай, радостно подхваченный с нашей стороны Ташем.

Ну вот и всё, остаётся только ждать: пока оденутся, пока к воротам добегут, выяснят, что это свои... Часовых у нас отродясь не было, некому тревогу поднимать. Да и тын не от людей, а от волков, медведей да лис. Против последних он и не очень-то помогает, самых глупых да ленивых разве что задержит. Но в нашем лесу настолько ленивых лисиц отродясь не водилось! Поэтому от лис держали самого лучшего и злого защитника - гусака.

Так что пока разберутся, можно прислониться к ёлке и передохнуть. Если встать не и выйдет потом, то донесут, в крайнем случае доволокут. Я в них верю.

Как же ноги болят! А рука, судя по ощущениям, и вовсе отвалилась. Как пенёк трухлявый разваливаюсь, точно слягу! А не хотелось бы.

Наконец кто-то цыкнул на собак, и заскрипела отодвигаемая задвижка.

— Ясна! — из калитки вылетел Руян, бросился ко мне, радостно размахивая руками. — Наконец-то ты пришла! Я сам недавно пришёл, а тебя нет! Уже идти искать хотел…

Потом увидел упёршегося на стену мужчину и споткнулся.

— Это кто с тобой? — уточнил он подозрительным тоном и полоснул сотника неожиданно злым взглядом.

Что это с ним такое? Обычно Руян к чужакам нормально относится, насторожённо, но нормально, а тут прям напрягся весь.

— Путник, — коротко ответила я. — Раненый. Матушка у себя?

— У себя, — так же насторожённо кивнул мальчишка. — Я пойду наших предупрежу. Не бойтесь, я собак запер.

И, ещё раз мазанув по Ставру немилым оком, он побежал вперёд по улице. Да что ж случилось? Может, напасть какая, а я не знаю, или поссорился с кем?

— Странный какой-то, — честно сказала я. — Прости, обычно он более приветливый.

— Да нет, всё в порядке, — краешком губ улыбнулся мужчина и вроде как понимающе хмыкнул. — Пойдём, надеюсь, твои братья устроят мне более тёплый приём.

А как я-то надеюсь! Не хватало ещё ссоры, непонятно с чего начавшейся.

Не знаю, что сказал Ян, но на крыльцо нас высыпали встречать все: Еленья, Медвяна, Лют, опирающийся на плечо Луня (зачем встал только), матушка и даже Бажен с Некрасом, правда, последних быстро увели. Видя такой почёт, Ставр даже выпрямился и старался идти более степенно, важно, но у него это получалось так себе. Особенно мешали важности и степенности намотанная поверх рукавиц веревка от салазок и сами салазки, мерно катившие следом так и норовившие поддать под коленки. У Таша, и то больше степенства в походке было — смотрите, на охоте был, вернулся и людей привёл! Хоть и не совсем охота, но для пса всё равно важное дело.

— Заходи, гостем будешь. И ты, Ясна, ступай в избу, — матушка была, как всегда, спокойная, величественная. Прямая, сразу видно, кто в селении хозяин. Сотник слегка поклонился и прошёл вперёд, мимо почему-то ненавидящего взгляда Руяна, насмешливого Луня, настороженного Люта и откровенно заинтересованных девушек.

В горнице было тепло, так тепло, что даже жарко, и я опустилась на скамью, с трудом подавив стон. Дома! Я дома. Сейчас разденусь, поем, выпрошу у Медвяны отвара и спать!

Только обстановка в доме стала совсем предгрозовой. Руян набычился в углу. Еленья мазнула оценивающим взглядом мою «находку» и ушла к печке, Медвяна завозилась в дальнем

углу с горшочками, а братья придвинулись ко мне поближе, словно невзначай, заодно закрывая весь обзор. Ставр невозмутимо стоял почти в центре перед матушкой, словно не замечая разлитого напряжения.

— Не нравится он мне, — проворчал Лют в бороду.

— Главное, сестренке нравится, — хмыкнул Лунь. — Тоже мне, ценитель нашёлся.

— Удели немного времени, матушка, поговорить хочу, — воин склонил голову совсем немного, так показать уважение хозяйке и возрасту, а не поклониться по-настоящему. — Да только не при всех.

Вот ведь неугомонный! Еле стоит, а сразу своё выяснять.

— До утра не ждёт? — матушка ровно и не удивилась даже.

— Не ждёт, разговор хоть важный, да короткий.

— Хорошо, — уступила матушка, и я насторожилась. Это было неслыханно и подозрительно, чтобы Ягда чужаку командовать дозволила! — Выйдете все в сени. Ясна, выйди тоже, уж коль ненадолго.

Ну это ни в какие ворота уже!

Впрочем, никто возражать не осмелился, и мы, толпясь в узких дверях, вытолкались в холодную часть избы.

Как-то не так я представляла себе возвращение домой! Не напоили, не накормили, на мороз выгнали! И ради чего? Ради кого? Какого-то подобрыша, недобитого и лембоем недотоптанного! Эх, знала б – так и оставила на поляне, пусть бы и лежал себе. Подобрала проблему на свою голову.

Рядом стояли мрачные, как разбуженные медведи, парни и кутающиеся в покрывала девушки. Напряжение разливалось в сенях, как вода при потопе, заполняя всё вокруг.

— Тебя что просили принести? — ядовито уточнила Ёлка, дыханием согревая узкие ладошки. — Лося! А ты мужика-подранка притащила! Ох, Ясна, не ожидала от тебя! Хоть в лес не пускай, то медведь, то княжич! Я думала, ты из нашей троицы самая разумная!

— Княжич? — слово отчего-то отдалось болезненным уколом в подреберье. — А с чего ты решила, что княжич?

— Ну, — Елка задумалась, — держится он так, словно командовать привык. И говорит складно, значит, учёный. Даже если не княжич, всё равно не простой ратник, на купца ещё меньше похож, чем на крестьянина. Но для властительного князя слишком безрассуден, да и не бегают князья по лесу сами по себе, а бегают по полям с дружиной или в городах сидят. Значит — княжич.

— Сотником назвался, — я пожала плечами. Мне-то какое дело, какого рода-племени моя находка. Уйдёт скоро с миром и пусть себе идёт.

— Ну, может и сотник, — легко согласилась Ёлка. — но хорош! Медвяна, вон, и то на гостя смотрела, как кот на масло, без присмотра оставленное.

— И вовсе я и не смотрела, — отмахнулась Медвяна, и в полутьме было заметно, как она густо покраснела. — Вечно ты как скажешь что-нибудь.

— Лют, Лунь, зайдите на чуточку, — раздался из-за двери зычный голос матушки. Парни, не сговариваясь, рванули дверь на себя, чуть не снесли её с петель и скрылись в избе.

— Не упусти, подруга, — шёпотом поддела Елень.

— Что не упустить? — не поняла я.

— Жениха. Вон как он на тебя смотрит, горячо-горячо, аж наши все набычились, отвернись — побьют. Хотя им-то что… Лют и тот смурной, ровно к нему это отношение имеет, но это мы с ним отдельно поговорим.

— Ну тебя, Ёлка! — обиделась я. — Просто помогла человеку, а ты уже…

— Ну-ну, — хмыкнула Елень, но клычки гадючьи втянула и ядом капать перестала. Может, в кои-то веки сострадание к ближнему проснулось? К уставшему, раненому ближнему, который принёс еды.

— Пусть идёт отсюда, — подал голос из темноты с вёдрами надувшийся, как жаба на лужу, Руян. — Вон какой здоровый, ещё корми его! Без него тесно, по углам жмёмся. И из избы выгнали, в сенях стоим. Подумаешь, какой важный господин! Важнее видали!

Дверь со скрипом открылась и впустила со света в темень Люта и Луня. Братья были хмуры, как грозовое небо.

— Ну что там? — кинулась к ним Медвяна.

— Ничего, — мотнул головой Лунь. — Просто спросили, постоим ли тут или нам лечь лучше; решили, что постоим. Лют нормально скоро ходить сможет, пусть ногу разрабатывает.

— А чужак?

— А что чужак? Говорит о чём-то с матушкой… — Лунь бросил быстрый взгляд на меня. — И выведать что-то пытается, только у матушки это гиблое дело.

Все понимающе переглянулись, хотя ничего понятно не было, и снова принялись переминаться с ноги на ногу, старательно делая вид, что всё в порядке. Можно сказать, каждую ноченьку так проводим для собственного развлечения.

Дверь отворилась, на этот раз явив самолично матушку Ягду.

— Заходите все, нечего попусту стоять! Медвяна, Елень, накормите, чем есть, и постель постелите, гостю можно в горнице, не убудет. Осмотреть его надо. Обоим отвар укрепляющий, да Ясне руку перебинтовать. Люту обезболивающего побольше. И спать. Утро вечера мудренее.

— Пойдём покормлю, — тронула меня за рукав Медок. — И тебя, и твоего… найдёныша. У меня как раз каша в печи стоит. Устали горемычные.

Ёлка облила нас многозначительно-презрительным взглядом и первой шагнула в избу. Нет, всё-таки характер у ведуньи золотой! Поэтому и весит, как вся тяжесть земная! Аж через раз прибить хочется.

***

А поутру Ставр ушёл. Коротко поклонился, учтиво распрощался с матушкой и ушёл. Можно сказать, даже поспешно ушёл, к еде едва притронулся.

— Спасибо за хлеб-соль, — он оглядел горницу, немного задержавшись на мне. — И за спасение. Ну, прощевайте. Через неделю самое позднее подводу пришлю, как и обещал.

— И ты прощай, — матушка благостно кивнула. — В добрый путь. Пойдём, до калитки провожу, ещё кое о чём потолкуем.

Накинула тёплое покрывало на голову и вышла первой, показывая, что задерживаться не стоит. Воин ещё раз поклонился и скрылся за дверью, даже не посмотрев напоследок.

Ну и ладно.

— Слава дедам, ушёл, — себе под нос, но так, чтобы я слышала, проворчал Руян.

— Ясна, а ты чего провожать не идёшь? — удивилась Медвяна и даже легонько в бок толкнула.

— А чего его провожать? Сам дойдёт, не маленький, — буркнула я. Утро не задалось совершенно, сначала я долго не могла уснуть, несмотря на все медвяновы настойки, а только разоспалась, как все проснулись, засуетились, и сон снова как рукой сняло. — Тем более и матушка уже пошла. Чего толпой бегать, не княжий выезд.

Лекарка как-то понимающе хмыкнула, а Ёлка глянула так насмешливо и к печке развернулась.

Я вздохнула и уставилась в окно. А что не так-то? Вроде чувствует он себя хорошо, отвары помогли, да и матушка с Медвяной ничего не углядели плохого, поберечься только с недельку надо, не бегать по снежной целине, с навьей не драться, да туши не таскать. Дойдёт,

тут дорога наезженная, до деревни быстро доберётся, а там ему помогут. А провожать… Лишнее это всё. Пустое. Больше всё равно не увидимся.

Я – изгой, а он — сотник. В обычной жизни ему в мою сторону и смотреть-то нельзя, не то, что… что-то большее. Вот и незачем душу бередить.

— Пойду собак покормлю, — я вылезла из-за стола и принялась одеваться под сочувственным взглядом Медвяны, подозрительно-колючем Еленьи и настороженным Руяна.

Ну их всех. С собаками спокойней, они хотя бы не задают лишних вопросов и не смотрят со странными намёками.

Глава 10. Морошь 7 лет назад

— Воином стану! — я стояла и смотрела на Ягду. С вызовом смотрела, знала — она не одобрит. Прям чувствовала. Матушка отложила веретено и строго глянула на меня.

— Зачем воином? Ты ж девка.

— Воином хочу, — упрямо повторила я и перевела взгляд в окно на разгулявшуюся метель. Как объяснить решение, которое и сама не понимала?

— Плохое дело, деточка, очень плохое. Были воины-женщины, были, я знаю точно, и там... — она ткнула пальцем куда-то за плечо, — их хорошо помнят. Не всегда добрым словом, но помнят. Только это ещё не всё, главного ты не понимаешь. На одну доску себя с мужчинами ставишь, равной им станешь — равные права, равные обязанности. Или ты правда думаешь, что меч взяла, а спрос как с девки будет? Нет! Меч взяла – и спрос, как с парня. Во всём и везде! Готова к такому?

Я закусила губу.

— Да.

— А если не сможешь? Не сдюжишь? — матушка полезла в печку и достала оттуда огромный глиняный кувшин, плеснула в большую глиняную кружку молока. — Пей, вот. Ты подумала, что назад-то дороги не будет? Время придёт – на мужскую половину избы выселю.

— Подумала, — я сжала зубы, — подумала. Выучусь, смогу. Лют и Лунь говорят, что на хороший меч всегда спрос есть.

— Так то на хороший, — проворчала матушка, — поляницей стать – та ещё задачка. Впрочем, неделя срока, если решение не поменяешь, отправишься на задний двор к Люту с Лунём. Будешь им посестрёнкой… Вот ведь как ниточки судьбы сплелись, они тебя нашли, и они же за тебя теперь и отвечают. Вместе всё время будете.

— Матушка, — я залпом допила молоко, — а Лют и Лунь как сюда попали? Про девочек они сказали, про себя нет.

— А они-то? — Ягда снова уселась за пряжу. — Они тоже, как и ты, зимой нашлись.

— Тоже в лесу? — перебила я.

— Нет, дядька Ратибор их из деревни привёз, когда ещё железо своё сам отвозил на торг, и вот, вместо казны привёз двух парнишек. Года три им было, друг к дружке жались.

— А как они так? — не поняла я. – Из деревни взял и забрал? Неужто отец с матерью отдали?

— Отдали, — хмыкнула матушка. — Точнее, дядька их за шкирку чуть ли не из костра вытащил и дёру. А убегал, шибко коленом ударился, а оно и так у него… Волколачонки твои братья. Как вырастут, мало кто с ними по силе сравнится, воины будут всем на зависть. И держать себя выучатся. Способные они. Очень способные, только неслухи. Это в княжьих дружинах ценят людоволков и людомедведей, а у крестьян таким лучше не рождаться, проклятыми считают таких-то. Удача, если кто к лесным отведёт, а так ведь всякое бывает. Можно сказать, ещё повезло волчатам. Ратибора так, для виду только и погоняли, чтобы богам показать, что старались татя изловить, а если б погоню правильную снарядили, не было б ни их, ни дядьки… Спать иди, утром думать будешь. И помни, неделя срока. И так — волчья сестра, считай.

Я кивнула, не в силах возражать. Спать хотелось неимоверно! Голова как пером набита, а веки словно мёдом залили. Я дошла до кровати и только легла, как сразу заснула, только обувь и успела сбросить…

И снились мне кошмары. В первую же ночь начали…

***

Осень была слякотной, холодной и дождливой. Даже короткая тёплая пора, когда казалось, что лето вернулось, была совсем жалкой, несмотря на золотистые багряные листья

и жаркие солнечные дни. На тонких паутинках, протянувшихся вдоль ветвей, было росно, так росно, будто кто из ковша облил. И бабы, глядя на усеянные капельками росы ниточки, качали головами: хорошей погоды не жди, вся осень слякотная, а зима снежная.

К ноябрю и вовсе раскиселилось: ледяной дождь с вечера и ночи с пронизывающим, совершенно зимним ветром, таким, что лужи покрывались тонким хрупким ледком, а днём только шла небольшая морось и почти летняя жара — дурной был ноябрь, очень дурной.

Ждали снега и морозов, но они всё не приходили. Посадский люд уже начал беспокоиться об озимых и прикидывать, где же они возьмут столько хлеба, если по такой зиме неурожай вдруг? Досеят ли яровыми? В скирдах кисли сено и солома, и не сегодня-завтра ждали "коровью смерть", а за ней, говорят, моровая дева ходит. Две сестрички, две лихоманки — как зайдут в поселенье, как начнут плясать и пляшут до тех пор, пока селенье не умолкнет: ни людского голоса, ни коровьего мычания, ни лая собачьего, ни блеянья овечьего.

Худо будет, если не придёт нормальная зима. Очень худо. Да и пошли вести дурные о моровом поветрии начавшемся, странном и быстротечном. Пока только слухи по окраинам, но все забеспокоились.

Неудивительно, что по такой погоде старший княжий сын слёг с сильнейшей простудой. Матушка от него дни и ночи не отходила, выпаивала и вычитывала, трав извела – не счесть! Коптилку даже на ночь велела ставить, чтобы тьмы у постели и близко не было. Почти выходила, отступила болезнь, слаб был только очень, лежал больше. Князь от сына не отходил почти, только по делам, брат сводный тоже забегал постоянно, а мачеха раз пришла, очами повела и ушла, велев моей матушке шибко стараться, выхаживая наследника.

Наконец ударил первый мороз и сковал слякоть на дорогах. Посадские снова принялись ворчать, что после дождя мороз для озимых и сада хуже не придумать, как в ночь пошёл снег. Настоящий, пушистый! Он падал огромными хлопьями, тихо, неслышно, скрадывая звуки, убирая белым платком неприглядную грязь улиц. Он пах морозом и домашним дымом.

Я стояла на крыльце терема, выставив вперёд ладошки и ловила на них огромные тающие снежинки. Тишина…

— Ты чего тут стоишь? — на крыльцо выскочил старший брат с шубой в руках. Хорошая шуба, тёплая, соболиная, кумачом красным крытая. Великовата немного, батюшка на торге купил с расчётом её в приданое дать. Интересно, где её брат откопал, вроде и не на виду лежит, — быстро в дом, застудишься!

И накинул шубу мне на плечи.

— Не застужусь, — я улыбнулась. Хороший у меня брат. Что один, что второй.

— Всё равно пошли, — не согласился он и ласково погладил по макушке. Я вздохнула — вон как он за год вымахал, совсем взрослым стал! Когда я уже до него дорасту? Вот был бы у меня младший брат или сестричка, я бы их так же опекала, — матушка к ужину зовёт.

— Тогда иду, — согласилась я. К ужину, это хорошо. Когда отец был дома, мы ужинали рано и все вместе, жаль, что это случалось редко, княжий воевода — должность беспокойная. А с этой зимы он обещал с собой в раъезды и старшего брата забрать. Тот важным ходил, уже не ребёнок и даже не отрок, а взрослый! Ещё года два-три, и женить можно, тем более, есть с кем сговариваться. Отец, правда, считает, что сначала надо на ноги крепко встать, а тогда уж и о свадьбе думать. Брат тоже женитьбой не горел, но и рано ещё… потом посмотрим, как сложится.

В доме уже вовсю разливались тёплые запахи: свежего хлеба, топлёного молока, мёда и запечённых ягод. На это накладывался запах мяты, чабреца и пряностей, и ещё каких-то неведомых трав, сразу и не разберёшь, каких.

Подскочившая служанка забрала у меня шубу, и я вошла в жарко натопленную обеденную светёлку. Отца с матерью ещё не было, только братья стояли у своих мест. Лютомир

поближе к отцовскому месту во главе стола, рядом с ним, подальше от отца, младший Ясень, ну а моё место с противоположной стороны, подле матушки.

Отец вошёл чинно и степенно. Позволил кравчему наполнить кубок, и когда лишние глаза и уши удалились, кивнул, давай, начало к трапезе.

— Через три дня уезжаю, — сказал он. — Старший со мной поедет.

— Куда? Да так скоро? — удивилась матушка.

— Там, на дальних рубежах, появились люди странные... вроде войско дикое, а вродь и разбойничья ватага обычная, только дивно многочисленная, донесение есть, а что на самом деле происходит, никто и не знает. Срочно собираемся и в поход.

— А вернёшься когда? — матушка отложила кусок хлеба и с тревогой посмотрела на отца.

— Не знаю, хочу по пути ещё в столицу заехать, прикуплю кое-что, с великим князем поговорю, авось примет. Как раз реку морозом скуёт, быстро домчу.

— Путь в Искоростень неблизкий, — осторожно начала матушка, — есть ли нужда?

— Есть, — отец степенно зачерпнул ложкой кашу, — князь скоро вернётся к себе, а воеводство за нами останется как награда за службу приграничную. Обновить договор бы, посмотреть, что да как. Скоро из-под князя выйдем, а всё равно надо со всеми договариваться, не только удельного в союзниках иметь… и границу держать.

Матушка потеребила пальцами жемчужную нитку на очелье, но возражать не решилась. Так-то оно так, воеводство становилось нашим за выслугу да княжью службу. По закону мы подчинялись и удельному князю, и верховному, но это по закону. Князю до нас дела-то почти не было, земли не так чтобы мало, но и не много, граница рядом, за границей Дикое Поле - Ничейные земли, а значит, житьё здесь весьма неспокойное. Вот наш удельный, можно сказать, в гостях и застрял, то одну проблему решая, то другую. А пока он здесь, у него там то бояре воду мутят, то ещё что. Но и не приехать он не мог, по договору-то ещё год, и отец сам чуть ли не князем сделается, не мог наш совсем без досмотра всё оставить, лично не проверить, что да как.

Ну да вроде хорошо всё. Князь доволен, стычки по границам мелкие, скоро отбудет восвояси. Княжий сын почти всегда с отцом ездит и ближниками из боярских сынов, я и видела его раза два всего рядышком. Совсем другое дело княжий пасынок, его князь берёт с собой изредка, чаще оставляя в крепости. Или по возрасту не вышел, или смысла в дела посвящать не видит. Пасынку-то и не светит ничего почти по великокняжескому уставу, закону, что ещё при деде князя Искоростеньского принят был. В лучшем случае, займет должность ближника. Чтобы князем стать, это невероятное должно случиться: весь княжий род разом присечься, и княжьи ближники, кто сможет по праву оружия трон забрать — все разом перемрут и в короткий срок. Да отец первый войско поднимет, чтобы чужаков на престол не пустить!

Не нравится ему отчего-то вторая княжья жена. И матери не нравится. Плохого он о ней ничего не говорит, но и княгиней-матушкой не величает, и когда она с князем, ведёт себя так, ровно нет её. И не только он один, не приняли ближники новую княгиню. Странная она — откуда взялась, неизвестно, был князь в Искоростене и вернулся с женой, за две недели всего обернулся. Одна она пришла, ни мамок, ни нянек… никого, только сын с ней и приданое богатое принесла.

Странное дело.

Вроде из Ничейных земель, а ещё слухи ходят, дескать внебрачная дочь верховного, отдал за ближника, а она и овдовела. И тогда князь Искоростеньский её за удельного князя и сосватал и приданое богатое дал.

Говор, правда, нездешний. Вроде всё как надо, а нет-нет да проскользнёт в речи что-то хриплое, гортанное. Красивая она, очень красивая: косы золотые, лицо нежное, глаза голубые, губы яхонтовые, с такой только парсунки рисовать. Но холодная, нет ни тепла, ни ласки,

только с сыном приветлива. Приветлива, но не более. Недаром он больше к моей матушке льнёт, она и не делает различия: свой ли, чужой – для неё все дети.

А князь в жене души не чает, ничего и никого не замечает вокруг. Верит каждому её слову, очей с неё не сводит. Как околдованный стал, и плевать ему, что ближники не приняли. Не приняли — их беда. Главное жену порадовать.

Хотя, может, и не так всё плохо? Просто зависть людская.

— Вот что, любушка моя, — отец оставил миску и как-то непривычно серьёзно посмотрел на маму, — следи во все глаза за княжьим сыном! Худо будет, очень худо, если с ним что случится на нашей земле, и за княгиней присматривай! Но то после поговорим.

Матушка склонила голову, соглашаясь, и заговорила о чём-то хозяйственном и пустячном. Я сидела и жевала пирожок, почти не чувствуя вкуса. Не нравилось мне ни предостережение батюшки, ни слишком весёлый да спокойный голос матушки. Нехорошее чувствовалось, что-то грозовое, бедовое.

Через три дня отец уехал, забрав с собой старшего брата.

А ещё через два дня умер княжий сын от внезапно поднявшейся горячки, от которой не помогло ни одно лекарство.

Глава 11

Они столпились за околицей: кто с дубьём, кто с топором, кто с вилами… Толпа пахла страхом и азартом, над головами пришедших коптили чёрным дымом промасленные факелы. Плохо то, что ворота мы закрыть не успели, да и толку-то с закрытых ворот. Силы уж больно неравны, не выдержим оборону – у нас ни башен, ни помостов, ни лестниц. Мы ж от волков и медведей огораживались, а не от людей.

Матушка вышла и встала перед ними, прямая, гордая, властительная. Я сидела на крыше присутственной избы, ближайшей к воротам, прислонившись спиной к резному коньку. У бока колчан со стрелами, на лук натянута тетива. Жаль, что пришедших больше, чем стрел, жаль, что рука не до конца зажила, но сколько-нибудь заберу к песьей матери.

А может и миром разойдёмся. Воевать нам совсем не с руки, задавят толпой. И с чего это деревенским вожжа под хвост попала? Всё ж хорошо было…

— С чем пожаловали, люди добрые? — спросила Ягда — Что привело к нам?

Люди добрые замялись, сделали шаг назад и зыркали друг на друга недобрыми глазами.

— Ты, Тихон, — она ткнула пальцем в одного из мужиков, и тот попытался неловко спрятать за спину топор. — Неужели твоя мать опять заболела?

— Хвала восьмерым, здорова, — замялся мужик.

— А ты? — она повернулась к другому. — К твоим коровам снова мор пришёл, не помогли ни мои амулеты, ни заговоры?

Мужик как-то обречённо замотал головой, и сделал шаг назад, но цеп в руках по-прежнему сжимал крепко.

В толпе с вилами наперевес я заметила того мужика, который недавно привозил ночью ребёнка с болотной лихорадкой. Он тоже стоял, набычившись и пиная носком сапога сугроб.

— Вы, изверги лесные! — вперёд выдвинулся высокий хмурый мужик, в наряде чуть более богатом, чем у остальных. Ага, заводила, значит. Но не староста, старосту я знаю. — Из-за вас это всё! Из-за вас зима лютая настала, богохульники! Ни восьмерым, ни девятерым не молитесь, дядов каких-то почитаете. Прогневали вы богов, вот они вас и карают, и нас заодно.

Толпа согласно зароптала.

— Прогневали, прогневали, а мы из-за вас невинно муку претерпеваем, но нашей милости и долготерпению конец пришёл, ибо извергов проклятущих терпеть более невместно! — откуда-то из-за спин мужиков вылез плюгавенький дедок в неожиданно добротном тулупе с пастырским посохом и затряс седой козлиной бородкой. — Из-за вас покарали, истина, говорю. Вон морозы стоят невможные, люди мрут, аки мухи, скотина дохнет! Медведь, и тот в берлоге замерзает! А посему надо ваше гнездо поганое, колдовское извести, чтобы не было добрым людям от вас никакой беды! А ещё…

— Помолчи уже, пришлый, — мужик слегка задвинул обиженно заткнувшегося дедка. — Вот что, хозяйка, волки у нас озоровать стали… в самый хлев забираются и уходят, ни собаки, ни капканы, ни засовы не спасают. То твои волколаки, даже не отпирайся, мы знаем! Отдай нам их, и никто не пострадает.

— Ополоумели вы, что ли? — матушка скрестила руки на груди и сказала, как выплюнула. — Людей вам на растерзание отдать?

— Не людей, оборотней! Людей нам не надобно, живите уж! — снова заверещал седобородый сморчок, изображая глас народа. — А не отдашь добром, силой заберём, и вас не пожалеем за укрывательство! — ухмыльнулся он, а я поудобнее перехватила лук. Первый бы на очереди был, да есть цели поважнее. Стрел мало, у некоторых в руках и факелы просмоленные, а смоляное пламя просто так не собьёшь, значит, факелоносцев снимать надо первыми… Если слобода займётся со всех сторон, не избежать беды и заговоры никакие не спасут. А что с

детьми станется? С ними Медвяна сейчас и Руян с братьями, Светану с Серкой и тремя бортниковыми мальцами тоже к нам затащили. И Елень. Да, Ёлка тоже что-то, да может. Заперлись в нашей избе, она крепкая и дальше всех стоит. Там ещё Лют с Лунем… но…

Деды, что будет-то? Вон дядька Ратибор достал верный топорик, с другой стороны ворот затаился - пришлым не видать, а я с крыши хорошо вижу. И бортника вижу за другой избой тоже с топором, но не боевым, а плотницким. Рядом старший сын тоже с топором. Только кузнец – не воин, к тому же ещё и хромой, и бортники – не воины, старик и почти мальчишка. Да и братья сейчас не воины, совсем не воины. Хорошо, что не все наши здесь, гончар с семейством ещё по осени в город двинулся, вроде слободу мастеровую нашёл, его и приняли. Хоть цел останется. Как и не вернувшийся дядька Нелюд.

Эх, лишь бы Руян геройствовать не полез!

Толпа набычилась и двинула в нашу сторону, подбадривая себя воинственным вскриками в меру сил. Но то ли сил было не очень, то ли сомнения были в деле неправедном, но крики выходили очень уж разрозненными и неубедительными. Особенно выделялся визгливый голос козлобородого дедка, призывающего к возмездию, да никто его особо не поддержал.

Точно стрелы не пожалею!

Им было страшно. Лесные изгои, проклятые колдуны, мало ли, на что они способны? А ну как колдонут козлиные рога, и будешь до конца жизни шапки особого фасона шить…

Только… только нам страшнее. Потому что ничего мы такого наколдовать не можем.

Вдоль домов к матушке скользнула тонкая черноволосая фигурка в зелёном платье, без шубы и покрывала, как есть выскочила.

Елень! Что она тут делает? Сидела бы дома!

Девушка встала рядом с матушкой, прямая, как придорожный столб и сразу было видно – она, как и тот столб, не подвинется.

Толпа сбилась с шага, но не остановилась. С одной стороны всё ещё боязно, а с другой, чего бояться? В воротах только старуха да девка молодая в одном платье. И ещё одна девка на крыше сидит, ни кузнеца, ни бортников они не видели.

Только б… А, чтоб вас волки разодрали, куда?!

Лют и Лунь, оба бездоспешные, в одних рубахах, портках и сапогах. Лют сильно припадал на правую тогу, но упорно пёр вперёд, двумя руками сжимая колун.

Проклятье! Не вовремя-то как!

— Ага, — завопил дедок-кликуша, возрадовавшись нашему прибавлению. — Вот они, волколаки, проклятущие! Помнишь, Елмилко, ты волка в заднюю ногу вилами ткнул, а он возьми и сбеги, стервец! Он твой волк, ужо встанут ему поперёк горла наши овечки!

Толпа наконец прониклась призывами, ощетинилась вилами и пошла на матушку. Я встала во весь рост, скинула полушубок и вложила стрелу в тетиву, но натягивать не стала, ожидая, когда первый и самый ретивый подойдет ближе, на расстояние точного выстрела.

Матушка что-то заговорила напевно, и между нами и нападавшими поднялась стена снежной пыли, заставляя нападавших затормозить, сбавить шаг. Всё, да не всё: в нашу сторону полетели факелы, по большей части воткнувшиеся в снег, но один упал рядом с сеновалом, и выпавшие клочки сена мигом вспыхнули, ярко, горячо, почти без дыма.

Я стиснула зубы. Может и обойдётся всё, а может и полыхнёт во всю мощь… Но и сделать ничего нельзя…

Лунь принял боевую стойку, закрывая собой матушку… Лют попытался за локоть оттащить Елень назад, та только досадливо выдернула руку, но с места не сдвинулась.

Мужики не убежали, не испугались, а, кажется, ещё больше разозлились, хорошо, что лучников среди них не было…

Матушка снова стала шептать заклятие, да только поможет ли?

Еленья…

Даже мысленно не могла назвать её Ёлкой, такая грозная она сейчас была, казалось, даже выше ростом стала. И взгляд такой… нездешний, невидящий. Она что-то шептала, и снег у её ног послушно сворачивался в колючие вихри позёмки. А потом вой, леденящий душу волчий вой. И я увидела, как к открытым воротам летят, стелются светло-серые тени.

Псы… Впереди, распластавшись и едва касаясь лапами земли, огромными скачками неслась почти белая огромная Хижа, любимая елкина собака, первая откликнувшаяся на зов хозяйки и оставившая в тёплой конуре восемь кругленьких, пушистых комочков, пахнущих молоком.

— Колдунья! — догадался кто-то из нападавших. — Колдунья, ведьмачка!

Еления подняла на него глаза. Пустые, мёртвые. Вой повторился, и из леса выступили волки, огромные светло-серые волки, которые пришли на зов своих домашних родичей.

Отцы, пришли…

Псы и волки, одинаково рыча, наступали на мужиков, беря их в клещи, загоняя, как оленей. Деревенские не испугались, встали в круг, отгородившись вилами и топорами. Волки, оно страшное, конечно, но привычное.

Звери не нападали. Скалились, утробно рычали, припадали на лапы, но не нападали, исподволь оттесняя мужиков от ворот.

Оно и правильно. Если хоть чья-то кровь прольётся, уже и не остановим. Если от этих отобьемся - придут другие из соседних деревень, придут подстёгнутые пролитой кровью и ненавистью. А там и удельный князь подтянется с дружиной и за разорённые деревни объявит нас обычными татями со всеми вытекающими… хорошо, если сразу убьют, меньше мучиться будем.

Самое лучшее сейчас – разойтись без драки. Прогнать пришлых, напугать, глаза отвести, но кровь проливать – последнее дело. Когда уже терять нечего будет.

Вызванная Еленью метель и не думала спадать, поднимаясь вверх и застилая весь обзор непроглядной круговертью.

Я досадливо поморщилась. Вот и стоило мне на крышу лезть, если всё равно ничегошеньки не видно? Если что, то как стрелять? Наугад? Авось в кого попаду? Так и стрелы все извести недолго, а стрела – вещь сложная, дорогая, её не каждый умелец сделать может.

Занялся угол сеновала. Весело, задорно, ярко да жарко. Из избы выскочила Светана с с Серкой на руках, усадила девочку на крыльцо и кинулась к огню, на ходу подхватив стоявшие у крыльца вёдра. Следом выбежали Медвяна с Руяном и бросились за ней. Из дверей высунулся кто-то из младших бортниковых, подхватил девочку на руки и скрылся внутри. Пламя перебросилось на крышу, немного затихло, опершись в снежную шапку, и пошло вширь по стенам. Не приведи, на другие строения кинется! Сена с запасом наготовили, если один сеновал сгорит, плохо, но не страшно, но там ещё амбар рядом, сарай, а дальше уже и загон для собак и коз. А там ещё избы… Хуже нет пепелища среди зимы, хоть сам в огонь прыгай, меньше будешь мучиться.

— Ах, чтоб тебя, стервь, — не выдержал кто-то из пришлых и тут же раздался многоголосый лай-вой и рычание готовой к атаке своры.

— Благославляю на битву с извергами лесными, волколакими проклятыми и ведьмами злыми. Да прибудут с вами все Восемь, да прибудет с вами Перын, да не смогут они… — снова визгливо завопил дедок, вдохновляя деревенских на подвиги ратные, а меня на более меткую стрельбу. Точно стрелы не пожалею, сделаю дорогой подарочек, от всего сердца да в грудину по самое оперение! Даже похоронить с ней можно, не буду выковыривать. Вот такая я сегодня щедрая!

— На сло-ом! — басом гаркнул кто-то, перекрывая вдохновенный вопль дедка. Высоко и тонко, почти как человек, закричала собака, свора зарычала и я, нет я не увидела, а знала, что у остальных пружинят задние лапы и обнажаются в оскале клыки.

Ну всё, сейчас начнётся, а начнётся – и не остановишь.… Лишь бы видно стало, я не промахнусь… Не судьба, наверно, нам до весны дожить…

Жаль… а была крохотная, тающая, как льдинка на ладони, надежда, что уйдут. Сзади ревело пламя, расползаясь по сеновалу, как лишай по дереву. Поздно уже, не потушить…

Показалось, что сквозь людской крик и собачий вой я слышу ещё конский топот и металлическое бренчание… но поручиться не могла. Совсем не могла.

Я встала в полный рост, натянула тетиву и…

— А ну, осади назад, мужички! — раздался из метели властный низкий голос.

Я прислушалась. Да ладно, неуж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.